КН. Г. М. ВОЛКОНСКІЙ

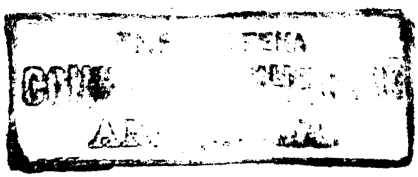
ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССІИ

Обзоръ нашей внѣшней политики.
Необходимость внутреннихъ реформъ.
Земскій Соборъ и Конституція.

Stuttgart
Verlag und Druck von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1903

Alle Rechte vorbehalten. — Tous droits réservés. — All rights reserved.

Авторъ съ благодарностью приметъ указанія на неточности, которыя могли вкрасться въ это изданіе и проситъ ихъ адресовать на его имя чрезъ издателя г. Дитца, Штутгартъ.



293825

Въ предлагаемой брошюрѣ найдется, конечно, гораздо болѣе отрицательныхъ отзывовъ о русскомъ строѣ, чѣмъ утѣшительныхъ; условія нашей цензуры, да и всего склада нашей жизни привели къ тому, что свободная критика событій поневолѣ выливается въ заграничныя изданія и появляется въ нихъ въ нѣсколько сгущенныхъ краскахъ, ввиду того, что все то хорошее и положительное, что дѣлается или дѣлалось на родинѣ, давно уже разобрано въ подцензурной печати и новому обсужденію не подлежитъ.

Названіе послѣдней главы — „Земскій Соборъ и Конституція“ — опредѣляетъ конечную цѣль этого изданія; къ той же цѣли, мнѣ кажется, должны быть направлены усилія всѣхъ русскихъ людей; Россія не можетъ долѣе безъ ущерба быть управляема отдѣльными министрами и совѣщательными учрежденіями, которыя даже не публикуютъ своихъ преній; переходъ къ законному правовому порядку необходимъ, а поэтому Земскій Соборъ и конституція являются тѣмъ естественнымъ выходомъ, къ которому пододвинула Россію ея исторія. Въ какую форму долженъ вылиться конституціонный принципъ въ Россіи — рѣшитъ, дастъ Богъ, ближайшее будущее; хотя я лично считаю парламентъ изъ двухъ палатъ вполнѣ примѣнимымъ къ Россіи, я не нахожу цѣлесообразнымъ особенно останавливаться на этомъ вопросѣ; о Земскомъ Соборѣ и о *русской* конституціи въ этой запискѣ говорится тоже очень немногое: вѣдь планъ русской конституціи можетъ быть успѣшно выработанъ только Учредительнымъ Собраніемъ, а это законодательное собраніе можетъ, въ свою очередь, появиться лишь съ соизволенія Государя Императора, какъ результатъ совмѣстной работы Земскаго Собора и правительства, послѣ того какъ этотъ Соборъ высказался бы за переходъ къ конституціонной монархіи. Созывъ же Земскаго Собора (т. е. совѣщательнаго собранія) всецѣло зависитъ отъ

благоусмотрѣнія Государя и, по силѣ вещей, отъ взгляда на это дѣло его ближайшихъ сотрудниковъ; но съ другой стороны, ни одно правительство не пожелаетъ добровольно поступиться своею властью, безъ настойчиваго призыва къ тому со стороны націи; воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ на общество и на правительство и составляетъ побудительную причину настоящаго очерка; я старался, по возможности, не называть въ немъ частныхъ лицъ, — дѣло не въ лицахъ, а въ фактахъ — и въ тѣхъ выводахъ, къ которымъ они приводятъ; между фактами найдутся, конечно, и такіе, которые давно извѣстны читателю; а съ моими заключеніями, я думаю, согласится большинство моихъ соотечественниковъ.

Основное мое положеніе слѣдующее: Единеніе Царя и народа, необходимое для Россіи, можетъ и должно осуществиться, несмотря на оппозицію высшей бюрократіи.

Римъ—Ментона, январь—апрѣль 1903 г.

Краткій обзоръ внѣшней политики Россіи за послѣднее десятилѣтіе.

Въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, внѣшнее могущество государства опирается на внутреннее его благоустройство и благосостояніе, всецѣло зависящія отъ свободнаго развитія общественныхъ силъ страны. Хотя территорія Россіи и за послѣдніе 30 лѣтъ увеличивалась, хотя войско ея сильно, она перестала занимать то первенствующее положеніе въ Европѣ, какое занимала раньше, при Екатеринѣ Великой и въ срединѣ царствованія Императора Николая I. Въ то время, какъ европейскія государства, перейдя къ конституціонному образу правленія, довели свое внутреннее хозяйство и развитіе до степени большого совершенства, несомнѣнный внутренній ростъ Россіи шелъ неравномѣрно и неправильно благодаря отжившему самодержавно-бюрократическому строю, на время какъ-бы поколебленному въ 60-хъ годахъ, но вскорѣ опять завладѣвшему всѣми пружинами національной жизни.

Недостатки этого строя сказываются и на веденіи нашей иностранной политики; внутренняя же слабость Россіи настолько не соотвѣтствуетъ ея внѣшнему престижу, что, рано или поздно, подорветъ ея международное положеніе; не подтачиваютъ ли его названныя причины уже и теперь? Ежели мнѣ удастся это доказать, то тѣмъ убѣдительнѣе возможно будетъ настаивать въ послѣдующихъ главахъ на необходимости *коренной* реформы нашего государственнаго строя.

Россія, изнуренная внутреннимъ неустройствомъ, съ неокрѣпшей казной, уже теперь поставлена въ затруднительное положеніе, и нашей дипломатіи, во избѣжаніе неудачной войны, придется во всемъ уступать, какъ она уступила только-что въ Афганскомъ вопросѣ, пропустивъ для его рѣшенія самый удобный моментъ, — длившійся, однако, $2^1/_2$ года, — Англо-бурскую войну.

Я хочу указать, съ моей точки зрѣнія не-дипломата, на нѣкоторые промахи нашей дипломатіи и намѣтить въ заключеніе то направленіе, по которому должна развиваться отнынѣ наша иностранная политика.

Какъ же велась наша внѣшняя политика за послѣднее десятилѣтіе? Въ царствованіе Императора Александра III Россія высвободилась изъ подъ вліянія Германіи и почва для франко-русскаго союза была подготовлена; союзъ этотъ былъ, однако, проведенъ такъ, что значительно облегчилъ между-

народное положеніе Англіи, которой стало легче лавировать между двумя образовавшимися группами и которая свободно могла выбрать, къ которой группѣ, въ концѣ концовъ, ей слѣдуетъ примкнуть; союзъ былъ проведенъ съ шумомъ, вреднымъ для дѣла и несоотвѣтствовавшимъ дѣйствительному его значенію и еще менѣе тому значенію, которое приписывалъ ему французскій народъ, къ вожделѣніямъ котораго наша дипломатія отнеслась чрезвычайно легко.

Обезпечивъ на время свое положеніе на западѣ, Россія, къ сожалѣнію, изъявила согласіе на занятіе Германіей Кіау-Чау и способствовала, такимъ образомъ, возмущенію Китая, разрѣшившемуся патріотическимъ взрывомъ и политическимъ возрожденіемъ желтой расы;[1] благодаря этому, двойственный союзъ оказался въ положеніи, гораздо менѣе выгоднымъ и тяжесть этого падетъ всецѣло на Россію: при первомъ же европейскомъ конфликтѣ Китай и Японія ударятъ намъ въ тылъ; едва ли и теперь принцъ Туанъ сидитъ въ Монголіи, сложа руки....

Сближеніе Франціи и Россіи было имъ, конечно, совершенно необходимо; уже ввиду географическаго положенія этихъ державъ, ихъ взаимопомощь, на случай нападенія Германіи на одну изъ нихъ, проявилась бы въ силу самихъ обстоятельствъ. Были, однако, два союза еще болѣе намъ необходимые и на которые наша дипломатія не обратила вниманія — это союзъ съ Турціей и съ Швеціей; къ этой цѣли надо было идти сейчасъ же послѣ войны 1878 года; въ основаніе соглашенія съ Турціей должны были лечь слѣдующія условія: Россія гарантировала бы Турціи неприкосновенность ея границъ взамѣнъ укрѣпленія Дарданеллъ для охраны Константинополя отъ посягательства со стороны какой-либо третьей державы (разъ что ст. 7 Парижскаго трактата оказалась нарушенной Англіей, забравшей островъ Кипръ). Россія, кромѣ того, оградила бы Султану его тронъ отъ сепаративныхъ стремленій или возмущеній подвластныхъ ему народностей, но съ условіемъ постепеннаго дарованія автономіи христіанскимъ его подданнымъ, ибо мусульмане очевидно не умѣютъ управлять христіянами, но легко выносятъ иго послѣднихъ. Созиданіе автономной Арменіи, подъ скипетромъ султана, было бы заразъ и человѣчнѣе и полезнѣе Россіи, чѣмъ пассивное отношеніе наше къ избіенію 300 тысячъ армянъ, завершившееся уступкой нашего вліянія Германіи, которая

[1] Спѣшу, впрочемъ, оговориться: наши дипломаты долго не поддавались китайскимъ планамъ императора Вильгельма и не причастны повороту нашей политики; съ другой стороны, германскій императоръ могъ утвердиться въ Китаѣ, опираясь исключительно на Англію; но разъ что онъ обратился къ Россіи, интересно бы знать, что̀ мы получили взамѣнъ отъ Германіи, кромѣ совмѣстнаго подавленія возстанія, ею же вызваннаго. Не считать ли ужъ занятіе Портъ-Артура тѣмъ вознагражденіемъ, на которое наталкивала насъ германская политика?

утвердилась въ Малой Азіи и въ долинѣ Евфрата; причину тому, почему мы оказались въ такомъ положеніи, несмотря на то, что уплата намъ контрибуціи послѣ войны 1878 года тянулась 25 лѣтъ, надо искать, я думаю, въ отсутствіи опредѣленной программы въ нашей внѣшней политикѣ. — Кстати, о послѣдней русско-турецкой войнѣ: Императоръ Александръ II вовсе ея не желалъ, онъ громко выражалъ свое мнѣніе, что войны этой никогда не будетъ, — но онъ постепенно поддался вліянію военной партіи, а главное, своего же правительства, искавшаго отвлечь общественное вниманіе отъ созрѣвшаго сознанія въ необходимости внутреннихъ реформъ. Князь Бисмаркъ въ своихъ „Мысляхъ и Воспоминаніяхъ“ (стр. 211) упоминаетъ даже, что предъ самой восточной войной Россія искала заручиться нейтралитетомъ Германіи на случай австро-русской войны; неуспѣвъ въ этомъ, Россія объявила войну Турціи. — Я, конечно, не хочу умалить значеніе великаго событія освобожденія славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова, которое когда-нибудь принесетъ свою пользу и Россіи, ввиду необходимости культурнаго единенія славянъ, но я надѣюсь, что нынѣ, когда мы вспоминаемъ войну 1878 года и когда наши покорныя газеты говорятъ о Македоніи въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ тогда онѣ говорили о Болгаріи, — Россія не окажется втянутой въ изолированную войну для отвода общественнаго вниманія все отъ той же, сданной теперь въ архивъ, насущной коренной внутренней реформы.

Автору этой записки особенно ясно представляется правильность его давнишняго взгляда на союзы съ Турціей и Швеціей ввиду того, что императоръ германскій сошелся именно съ этими двумя державами (присоединивъ къ нимъ и Румынію), для усиленія своей „оборонительной“ позиціи по отношенію къ Россіи, у которой на случай конфликта, окажется свободный выходъ только въ Бѣлое море; такимъ образомъ Россія, а не Германія очутилась замкнутой какъ бы въ желѣзную подкову названныхъ союзовъ.

Наша дипломатія не съумѣла воспользоваться „Фашодой“, — инцидентомъ, который могъ бы стать сильнымъ козыремъ въ ея рукахъ;[2] она не съумѣла или не захотѣла сойтись съ маркизомъ Ито, предлагавшимъ намъ дружбу Японіи въ об-

[2] Конечно, никто не одобритъ опрометчивость, съ которою дѣйствовало республиканское правительство: полковникъ Маршанъ былъ посланъ на Нилъ безъ малѣйшей подготовки къ тому почвы въ Foreign Office'ѣ; планъ же маркиза Мореса, болѣе глубокій и практичный, не встрѣтилъ оффиціальной поддержки, и отважный Моресъ погибъ, унося въ могилу взлелеянную имъ мечту національнаго и политическаго возрожденія Франціи. (См. Félicien Pascal. L'Assassinat de Morès — un crime d'état. Paris. Imprimerie Hardy. 1902.) Но наша дипломатія должна была бы воспользоваться наличными фактами для созыва на конгрессъ заинтересованныхъ 6 державъ: Англіи, Германіи, Италіи, Франціи, Абиссиніи и Конго.

мѣнъ высокаго займа, и тотъ, выѣхавъ изъ Петербурга, заключилъ противъ насъ англо-японскій союзъ; наши сношенія, главнымъ образомъ на cynодальной подкладкѣ, съ Менеликомъ привели къ англо-абиссинскому соглашенію....

Въ то же время Англія успѣвала во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ: усмиреніе возстанія въ сѣверной Индіи и покореніе Судана были завершены къ началу Трансвальской войны; волненія въ Сомалилэндѣ начались лишь по окончаніи этой войны и послѣ соглашенія съ Менеликомъ; сама же англо-бурская война велась при обстоятельствахъ замѣчательно для Англіи благопріятныхъ: въ Германіи царствовалъ очень ужъ ловкій въ политикѣ императоръ Вильгельмъ II[3], а въ Россіи — миролюбивый Государь Императоръ Николай Александровичъ; во главѣ французской дипломатіи стоялъ г. Делкассе, оказавшійся тѣмъ же ярымъ англофиломъ послѣ Фашоды, какимъ онъ былъ и до нея; а нашъ бывшій посолъ въ Лондонѣ, послѣ 15-тилѣтняго пребыванія въ Англіи, раздѣлялъ взгляды англійскаго правительства на причины войны и находилъ, что *„война эта насъ вовсе не касается“*.

Находилось ли въ распоряженіи Германіи, Франціи и Россіи дѣйствительное средство къ прекращенію англо-бурской войны, несправедливой по существу и предосудительной по своимъ неминуемымъ послѣдствіямъ интересамъ названныхъ трехъ державъ? — конечно да: мобилизація трехъ флотовъ, когда британское войско находилось въ южной Африкѣ, непремѣнно остановило бы трансвальскую войну; Англія не могла рискнуть своимъ флотомъ и не стала бы дожидаться ультиматума трехъ державъ; для этихъ державъ весь вопросъ сводился къ слѣдующему: что было имъ выгоднѣе, — сдѣлать расходъ на мобилизацію флота и остановить трансвальскую войну, или, не прибѣгая къ этому расходу, отдать Африку въ руки Англіи? По моему, отвѣтъ ясенъ; но отсутствіе широкаго кругозора и иниціативы у нашихъ дипломатовъ располагаетъ ихъ къ ходячему мнѣнію, что война эта ослабила Англію, которая создала себѣ въ южной Африкѣ вторую Ирландію; на самомъ же дѣлѣ Англія усилилась вдвое съ того момента, какъ буры ей присягнули: Англія, благодаря послѣдней войнѣ, сошлась ближе со своими колоніями и изучила недостатки своего военнаго министерства; она, правда, потеряла десять тысячъ человѣкъ убитыми, но она пріобрѣла триста тысячъ подданныхъ, положительныя качества которыхъ Англіи хорошо извѣстны и отрицались

[3] Если правда то, что мнѣ говорили, — будто императоръ Вильгельмъ открыто взялъ сторону Англіи только послѣ того, какъ неуспѣлъ склонить двойственный союзъ къ совмѣстному ей противудѣйствію, то его вина, съ этической точки зрѣнія, конечно не такъ велика, какъ кажется на первый взглядъ; но политика его, по отношенію къ Англіи, всетаки близорука.

англичанами *только* оттого, что буры были ихъ противниками; Англія, правда, истратила пять милліардовъ франковъ, но она пріобрѣла залежи въ двадцать пять милліардовъ и территорію, стратегическое положеніе которой обезпечиваетъ ей уже теперь господство на всемъ протяженіи восточной Африки, а въ будущемъ приведетъ къ наступательному движенію ея колоніальной политики противъ Абиссиніи, а затѣмъ и противъ африканскихъ колоній остальныхъ европейскихъ державъ. Вспомнимъ еще, что ослабленіе Испаніи вслѣдствіе войны ея съ Сѣверо-Американскими Штатами упрочило положеніе Англіи въ Средиземномъ Морѣ. Въ результатѣ, надо было предвидѣть, что какъ только Англія разрубитъ мечомъ гордіевъ узелъ своихъ затрудненій въ южной Африкѣ, она примется вредить Россіи въ Азіи; когда я объ этомъ говорилъ людямъ, имѣвшимъ вѣсъ въ Петербургѣ, то мнѣ возражали увѣренностью въ томъ, что мы не позволимъ себѣ вредить; — а на это заявленіе отвѣтили уже два упомянутые факта: англо-японскій союзъ и инцидентъ съ Афганистаномъ, разоблаченный въ англійской палатѣ общинъ... Да, Россія долго будетъ помнить тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые оказались отвѣтственными вершителями ея міровыхъ судебъ въ самую критическую эпоху властной расправы, которой подвергаются мелкія государства со стороны великихъ державъ. Ежели у насъ недостаетъ выбора въ людяхъ, то это есть лишь доказательство несоотвѣтствія узко-монархическаго строя задачамъ современной русской жизни: въ Англіи и Германіи смерть посла или министра не играетъ никакой почти роли, ввиду возможности немедленнаго успѣшнаго замѣщенія; отчего же тамъ есть люди, а у насъ ихъ нѣтъ? Да быть же не можетъ, чтобъ ихъ не было! они есть, но имъ не даютъ ходу; въ Россіи должны быть силы, которыхъ она сама еще не познала....

Моя критика, въ двухъ словахъ, сводится, значитъ, къ слѣдующему: не ликовать надо было кругомъ естественнаго послѣ войны 70-го года франко-русскаго союза, а *работать* надъ союзами съ Швеціей и съ Турціей; заключивъ же союзъ съ Франціей, слѣдовало выработать опредѣленный планъ дѣйствій.

Прежде чѣмъ растаться съ вопросомъ нашей внѣшней политики, я хотѣлъ бы указать на то направленіе, которое мнѣ представляется въ данный моментъ самымъ для нея желательнымъ: надо направить всѣ усилія къ откровенному сближенію съ тремя великими державами, занявшими первенствующее міровое положеніе для установленія общей программы дѣйствій: на крайнемъ востокѣ — съ Сѣверо-Американскими Штатами, на ближнемъ востокѣ — съ Германіей и въ средней Азіи — съ Англіей.

Англо-русскій антагонизмъ въ средней Азіи только вредитъ обѣимъ державамъ и усиляетъ положеніе Афганистана;

надо отказаться отъ теоріи буферскихъ государствъ; соединеніе нашихъ владѣній съ Индіей торговою желѣзной дорогой — вотъ то средство мирнаго сближенія, на которомъ, въ концѣ концовъ, все-таки должны сойтись Англія и Россія; водвореніе нормальныхъ сношеній между нашими границами разсѣетъ въ сознаніи англійскаго народа миѳическія опасенія за Индію, которыя поддерживаются теперь, въ ущербъ здравому смыслу, англо-индійскими офицерами-карьеристами и коварными нѣмецкими дипломатами; не только Индія намъ не нужна (мы не могли бы ни управлять ею, ни прокормить ее, ни одѣть), но сами индійцы не захотѣли бы нынѣ промѣнять британское владычество на какое-либо другое, зная, что ни одно иностранное правительство не обезпечило бы имъ той гражданской свободы, которой они пользуются нынѣ (имъ отъ Англіи нужны лишь двѣ уступки: участіе въ финансовомъ управленіи страной и большее уваженіе со стороны англичанъ къ ихъ человѣческой личности).

Россія располагаетъ въ настоящій моментъ данными, въ силу которыхъ она по праву можетъ расчитывать на дружественное содѣйствіе Англіи въ полюбовномъ рѣшеніи нашихъ пограничныкъ интересовъ; Россія вѣдь вполнѣ ясно доказала свое безкорыстіе во время англо-бурской войны и трудно предположить, что англійское правительство не пошло бы намъ на встрѣчу; доказательствами этого безкорыстія были: Всемилостивѣйшее заявленіе великобританскому послу въ С.-Петербургѣ, что Россія ничего не предприметъ, доколѣ Англія будетъ находиться въ затрудненіи; а также великодушное отозваніе нашихъ войскъ, выступившихъ уже по Высочайшему повелѣнію къ Афганской границѣ. (Да не подумаетъ, однако, читатель, что я стою за войну съ Афганистаномъ.)

Такъ ли отнеслись къ Англіи другія державы? Нѣтъ, всѣ онѣ воспользовались ея затрудненіями: и Португалія, и Японія, и, больше всѣхъ, Германія, и притомъ въ лицѣ самого Императора. Между тѣмъ, въ Англіи какъ-бы забыли о вниманіи, оказанномъ ей Россіей, и Наслѣднику россійскаго престола, даже оффиціально, въ похоронномъ шествіи, не было предоставлено должное его высокому положенію и сану, мѣсто. Я не касаюсь, конечно, дипломатическихъ успѣховъ, скорѣе личнаго характера, чѣмъ національнаго, которыхъ императоръ Вильгельмъ достигъ въ продолженіе англо-бурской войны.

Наше сближеніе съ Сѣверо-Американскими Штатами по поводу вопросовъ дальняго Востока необходимо ввиду сдѣланныхъ нами тамъ ошибокъ, изъ которыхъ 2 главныя: возстановленіе противъ себя Японіи и Китая. Если Манчжурская желѣзная дорога должна была привести къ разрыву между Россіей и Китаемъ — то я считалъ бы болѣе цѣлесо-

образнымъ отложить этотъ проектъ на ½ столѣтія; но не берусь судить, было ли это возможно и было ли возможно отдалить время утвержденія Германіи и Англіи на берегахъ Желтаго Моря.[5]

О направленіи нашей политики на ближнемъ Востокѣ я уже говорилъ.

Что же касается выработки совмѣстнаго плана дѣйствій съ Франціей и Абиссиніей на Африканскомъ материкѣ, то отъ этой мысли надо отказаться: пропущенный историческій моментъ во всей совокупности своихъ условій болѣе уже не возобновится.

Я не распространяюсь здѣсь о Гаагской конференціи и о томъ, какъ дипломаты воспользовались великодушной иниціативой Государя Императора для отвода общественнаго мнѣнія отъ англо-бурской войны; объ этомъ я уже имѣлъ случай высказаться прежде.[6] Изъ разговора съ самымъ авторитетнымъ представителемъ этой конференціи я могъ вынести лишь слѣдующее заключеніе: конференція эта предовратитъ ту войну, отъ которой спорящія державы сами уже отказались.

Прибавивъ, что я вполнѣ симпатизирую рѣшенію критскаго вопроса и желалъ бы, чтобы Европа прибѣгла къ той же программѣ, но съ нѣсколько иными пріемами, по отношенію другихъ христіянскихъ народностей Турціи, я и заканчиваю мой обзоръ внѣшней нашей политики.

---

[5] Не отрицая всемірнаго значенія Сибирской желѣзной дороги, выражаю сожалѣніе, что наше правительство отказало въ ея постройкѣ покойному А. Г. Кузнецову, который брался, съ двумя финансистами, выстроить ее за 45 т. р. съ версты; правительство отвѣтило, что выстроетъ ее само по 25 т., а обошлась она теперь по 80 т. р. съ версты, не считая грандіозныхъ хищеній въ Манчжуріи, гдѣ въ счетъ раззоренія хунхузами ставились станціи, никогда не существовавшія.

[6] См. мою французскую брошюру „Pour les Boers, contre l'impérialisme". 1900. Librairie Kleidman, Nice.

Необходимость внутреннихъ реформъ.

Вопросы: крестьянскій, учебный, финляндскій, польскій и др. Случаи превышенія власти; отсутствіе свободной печати; положеніе земства.

Едва-ли возможно оспаривать, что со второй половины царствованія Императора Александра II внутреннее развитіе Россіи стало задерживаться и что въ послѣднее время оно прямо пошло на убыль; международное ея положеніе, упроченное Императоромъ Александромъ III, какъ мы видѣли, тоже пошатнулось; параллельно съ этимъ явленіемъ общаго упадка Россіи, все усиливалось такъ-называемое консервативное направленіе правительства, закончившееся ретроградными реформами въ области административной и даже судебной. Правительство нынѣ ограничиваетъ земство, вводитъ ретроградный уголовный уставъ, — хотя судьи и такъ уже въ зависимости отъ правительства;[7] оно посягаетъ на прерогативы предводителей дворянства, которыхъ вызываютъ къ министру внутреннихъ дѣлъ чрезъ полицію, оно собирается посягнуть на самоуправленіе городское; основной законъ (ст. 45) о вѣротерпимости сталъ мертвой буквой, а православная церковь, благодаря вліянію оберъ-прокурора Св. Сѵнода, до того привыкла обращаться за содѣйствіемъ принудительной власти, что дѣйствіями своими напоминаетъ скорѣе обыкновенное административное учрежденіе къ услугамъ правительства и не только не содѣйствуетъ духовному развитію своей паствы, но прямо-таки ему препятствуетъ; правительство налагаетъ на Россію *свою* учебную программу; свободное изслѣдованіе цѣлаго цикла наукъ, касающихся вопросовъ философіи, религіи, политики, исторіи не допускается,

[7] Сравнимъ положеніе судьи у насъ съ положеніемъ судьи хотя бы въ сосѣдней Пруссіи; тамъ судья выбираетъ мѣсто своего служенія, его нельзя перевести на другой постъ безъ его согласія; онъ назначается пожизненно, онъ несмѣняемъ; онъ самъ и его карьера совершенно не зависятъ отъ администраціи; онъ можетъ быть лишенъ должности только по приговору дисциплинарнаго суда, подъ который онъ отдается министромъ юстиціи или прокуроромъ съ согласія президента оберъ-ландсъгерихта, но въ то же время судья, какъ и всякій, подлежитъ обыкновеннымъ судебнымъ установленіямъ. — Въ Пруссіи замять дѣло Золотовой было бы невозможно.

университеты теряютъ болѣе способныхъ профессоровъ; на профессіональныя школы деньги отпускаются туго, а гимназіи закрываютъ свои двери предъ „кухаркинымъ сыномъ“; печать еле дышетъ, талантливѣйшіе ея представители подъ надзоромъ.

Все это — естественное продолженіе начинаній Каткова и гр. Дм. Толстого, желавшихъ повернуть вспять теченіе русской жизни; Катковъ, стоявшій въ 60-хъ годахъ за свободу печати, становится ея противникомъ; гр. Толстой ополчается противъ земства[8] и, настоявъ на отмѣнѣ института мировыхъ судей, вводитъ земскихъ начальниковъ[9], а Побѣдоносцевъ и по днесь преслѣдуетъ русскую душу.[10] Никто не обвинитъ названныхъ лицъ въ недостаткѣ патріотизма или въ неискренности убѣжденій; но если трое государственныхъ людей считали подобное направленіе возможнымъ и необходимымъ для Россіи, то могло ли это ихъ мнѣніе дать имъ нравственное право налагать подобныя оковы на многомилліонное коренное населеніе, поголовно эту систему отрицающее? Я позволяю

[8] „Проектъ графа Толстого былъ, въ сущности, проектомъ объ окончательномъ упраздненіи земскихъ учрежденій“ говорится въ конфиденціальной запискѣ 1899 года статсъ-секретаря С. Ю. Витте (стр. 200 „Самодержавіе и земство“, изданіе П. Струве, Штутгартъ 1903 г.), и далѣе министръ финансовъ продолжаетъ: „Земскія учрежденія лишены теперь почти всякой самостоятельности и поставлены подъ строгую административную опеку; имъ придана сословная окраска; ихъ исполнительные органы получили бюрократическій оттѣнокъ и поставлены въ сильную зависимость отъ губернатора; въ недолгомъ времени предполагается самая строгая регламентація земской дѣятельности и сокращеніе ея до минимума; — и тѣмъ не менѣе противодѣйствіе не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиція живутъ несомнѣнно и будутъ жить до тѣхъ поръ, пока не умретъ всесословное земство.“

[9] Этотъ институтъ земскихъ начальниковъ принесетъ много вреда Россіи: онъ отдаляетъ время перехода къ всесословности, онъ противупоставляетъ другъ другу два сословія, нравственно забивая крестьянина (и это хуже всего) и обращая мелкаго дворянина въ чиновника; отъ земскихъ начальниковъ, олицетворяющихъ собою смѣшеніе властей судебной, административной и полицейской, требуется еще для контроля волостнаго судопроизводства знаніе обычнаго права, которое разнится по мѣстности и требуетъ, слѣдовательно, еще болѣе спеціальной подготовки; только бюрократъ, какъ г. Горемыкинъ, могъ заявить, что „у него въ Петербургѣ найдется въ земскіе начальники втрое больше кандидатовъ чѣмъ требуется“. На практикѣ земскіе начальники, въ рукахъ губернаторовъ, обезпечиваютъ себѣ и нашимъ сатрапамъ полный произволъ. Губернаторъ фонъ-деръ-Лауницъ закончилъ недавно свою рѣчь къ земскимъ начальникамъ слѣдующими словами: *„Помните одно, господа: превышеніе власти не есть преступленіе.“*

[10] Я рекомендую всѣмъ брошюру Е. Лазарева про епископа Воронежскаго Владиміра („Гавайскій сенаторъ и вожди русскаго православія.“ Женева 1902) — она разсказываетъ, какими средствами г. Побѣдоносцевъ старается поддержать свой авторитетъ и высокое положеніе церкви: человѣка безчестнаго и развратнаго, осрамившаго въ San-Francisco русское имя, онъ награждаетъ епархіей, а священника Тамбовской губ., Цвѣткова, подавшаго ему записку о своемъ взглядѣ на положеніе церкви, онъ сажаетъ въ уцѣлѣвшую еще въ Россіи отъ среднихъ вѣковъ монастырскую тюрьму *(С.-Петербургскія Вѣдомости* № 325 1902 г. и статья Пругавина въ *Правѣ)*.

себѣ сказать *поголовно*, ибо все почти общество враждебно существующему строю, а нищенское положеніе крестьянъ достаточно отвѣчаетъ за безгласный народъ.

Правительство существуетъ для народа, а не народъ для правительства. Бюрократія это постоянно забываетъ; министерскіе циркуляры сплошь да рядомъ искажаютъ основные законы или вводятъ новыя мѣры, имъ противорѣчащія и поддерживаютъ, такимъ образомъ, не законъ, а беззаконіе.[11] Недовѣріе и ненависть общества къ правительству все растетъ и переносится имъ на весь монархическій строй, на царствующій домъ.

Можно ли ожидать отъ теперешняго правительства успѣшнаго разрѣшенія давно назрѣвшихъ, жгучихъ государственныхъ вопросовъ, какъ: крестьянскаго, экономическаго, учебной программы, финляндскаго, польскаго?

Нѣтъ, никакія реформы, выработанныя, или только проведенныя, нашей бюрократіей ни къ чему не приведутъ, такъ какъ всякое мѣропріятіе нашего правительства проводится имъ при условіи увеличенія его власти и во вредъ развитію общественнаго сознанія, т. е. политическаго воспитанія, безъ котораго ни одна нація ни въ какую эпоху не могла развиваться, а въ наше время обязательно должна погибнуть.

Краткій обзоръ намѣченныхъ вопросовъ покажетъ, что успѣшное ихъ разрѣшеніе невозможно безъ *коренной* реформы нашего государственнаго управленія.

Что русскій народъ раззоренъ въ конецъ — не требуетъ доказательствъ. За послѣдніе двадцать лѣтъ народонаселеніе коренныхъ губерній, не доѣдая, перестало увеличиваться. Это раззореніе началось въ царствованіе Императора Николая I системой винныхъ откуповъ, питавшихъ государственный бюджетъ. (Одинъ почтенный генералъ, начавшій службу въ Венгерскую кампанію, приписывалъ именно этому спаиванію народа гораздо болѣе, чѣмъ увеличенію призыва, тотъ фактъ, что на его глазахъ средній ростъ солдата уменьшился на цѣлую голову.) Это спаиваніе народа благополучно продолжается по деревнямъ и по нынѣ, благодаря государственной винной монополіи: когда одинъ инспекторъ отвѣтилъ въ отрицательномъ смыслѣ на запросъ изъ министерства финансовъ о результатахъ новой системы, онъ получилъ въ отвѣтъ отповѣдь: *„Вы совершенно не поняли смысла возложеннаго на Васъ порученія“*; когда одинъ земскій начальникъ донесъ о закрытіи имъ нѣсколькихъ кабаковъ, онъ получилъ оффиціально похвалу, но его губернатору шифрованною депешею было поставлено на видъ министерствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, что земскій начальникъ дѣйствуетъ

---

[11] Высочайшій манифестъ 26-го февраля 1903 г., напоминающій объ основныхъ законахъ о вѣротерпимости, есть лучшее тому доказательство.

слишкомъ энергично и во вредъ государственному бюджету. Что же это за финансовая система, которая при неисчерпаемыхъ богатствахъ Россіи должна опираться на спаиваніе народа, лишая мѣстныхъ жителей (помѣщиковъ, крестьянское общество и городскихъ обывателей) существеннаго для нихъ дохода отъ питейныхъ заведеній и пивныхъ.

Кромѣ пьянства и связанныхъ съ нимъ венерическихъ болѣзней, раззореніе народа довершили: *розга, принудительно введенная община, невѣжество и безконтрольный государственный бюджетъ*. Рузскій сельскій комитетъ указалъ вполнѣ основательно на поднятіе нравственнаго достоинства крестьянина какъ на первое условіе къ созиданію его благосостоянія.

Наказаніе розгами забиваетъ нравственное чувство человѣка и, примѣняемое къ взрослымъ, подрываетъ семейное начало; чтобы понять это, стоитъ лишь поставить себя на мѣсто крестьянъ или ихъ дѣтей; вѣдь этотъ вопросъ долженъ обсуждаться не на почвѣ образовательнаго ценза, а на почвѣ общечеловѣческой нравственности. Иной мужикъ, правда, потерявъ чувство стыда и дорожа копѣйкой и рабочимъ днемъ, предпочитаетъ быть высѣченнымъ, чѣмъ быть оштрафованнымъ или лишеннымъ свободы; наши консерваторы выводятъ изъ этого, что мужикъ свыкся съ розгой и самъ ея требуетъ. (Совсѣмъ какъ одна кухарка, увѣрявшая, что ракамъ не больно, когда ихъ кипятятъ: „они привыкли“.) Отвѣтить имъ слѣдуетъ лишь одно: перестаньте сѣчь, тогда и увидите, каковъ мужикъ станетъ на дѣлѣ. Розга развращаетъ и тѣхъ, кто ее примѣняетъ; а примѣненіе тѣлеснаго наказанія *къ одному сословію* — хотя бы и по приговору лишь волостнаго суда — это до того гадко, что человѣку, отвыкшему отъ подобнаго варварства, прямо непонятно, какъ можетъ оно еще держаться въ Россіи, когда два слова самодержавнаго Императора достаточны для его немедленнаго прекращенія.

Подъ принудительно введенной общиной я разумѣю, что она навязана крестьянамъ правительствомъ безъ ихъ спросу; миѳъ историческаго развитія общины теперь оспаривается даже въ средѣ правительственной.[12] Община явилась какъ-бы непосредственнымъ послѣдствіемъ отмѣны крѣпостного права и не можетъ, слѣдовательно, считаться проявленіемъ сознательной воли крестьянъ, а правительство ею воспользовалось съ полицейскою и фискальною цѣлью. Въ другихъ европейскихъ государствахъ къ круговой порукѣ прибѣгаютъ лишь какъ къ карательной мѣрѣ по отношенію къ некультурнымъ народностямъ (въ такое положеніе, напр., поставлены въ Алжирѣ, за извѣстные проступки, кабилы

[12] См. брошюру, озаглавленную „Записка гр. Воронцова-Дашкова объ уничтоженіи крестьянской общины“. Изданіе Элпидина. 1900.

и арабы).[13] Защитники общины ссылаются на процвѣтаніе у насъ артелей, но они забываютъ, что артель есть общеніе свободное, а не подневольное. Община въ настоящемъ ея видѣ не даетъ удовлетворенія нравственному чувству собственника, разъ что крестьянина гоняютъ съ мѣста на мѣсто; а насколько такое хозяйничанье вредно отзывается на землѣ, извѣстно всякому. Община, мнѣ кажется, могла бы держаться лишь тамъ, гдѣ крестьяне захотѣли бы обратить свою землю въ одно общее хозяйство, съ общей кассой и пр.; примѣръ тому показали уже наши духоборы на Кавказѣ; тотъ же примѣръ можно прослѣдить отчасти въ нѣкоторыхъ деревняхъ Саратовской губерніи. Какъ же приняться за упорядоченіе крестьянскаго хозяйства? Да очень просто: надо отнестись къ крестьянамъ какъ къ разумнымъ существамъ и предоставить имъ самимъ высказаться и ничего не предпринимать въ вопросѣ объ общинѣ, какъ и въ другихъ вопросахъ сельской жизни, не выслушавъ самихъ крестьянъ. Предсѣдатель Суджанской земской управы князь П. Д. Долгоруковъ это понялъ, но г. министръ внутреннихъ дѣлъ этого не хочетъ понять.

Невѣжество народа прекратится съ уравненіемъ крестьянъ въ политическихъ и гражданскихъ правахъ съ другими сословіями и съ передачей дѣла крестьянскаго образованія и развитія въ руки земства, которое взялось бы ввести начальныя школы съ расширенной программой, сельскохозяйственныя школы по деревнямъ съ образцовыми при нихъ крестьянскими хозяйствами и опытными полями и огородами, чтенія, чайныя съ газетами и пр. Церковно-приходскія школы не дѣйствительны, такъ какъ образованіе народа не въ интересахъ духовенства: развитой и не пьющій крестьянинъ большею частью избѣгаетъ церкви и требъ, а это наноситъ матеріальный ущербъ и безъ того бѣдному духовенству. (Я не говорю, что хорошая школа должна оторвать человѣка отъ церкви, а указываю на фактъ, что уровень нашего духовенства не всегда соотвѣтствуетъ духовнымъ потребностямъ развитаго крестьянина, который обращается непосредственно къ Евангелію и терпитъ за это преслѣдованіе.) Въ большинствѣ же случаевъ церковно-приходскія школы значатся лишь на бумагѣ, а тамъ, гдѣ онѣ существуютъ — до безстыдства поражаютъ своей показной стороной.[14]

Но раззореніе Россіи отзывается на всѣхъ сословіяхъ и не ограничивается лишь современниками: займы г. Витте

[13] Слова Высочайшаго манифеста отъ 26 февраля 1903 г. объ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки радостно будутъ встрѣчены всѣми русскими поданными. Я не касаюсь здѣсь подробной оцѣнки этой мѣры.

[14] Вотъ фактъ, рисующій отношеніе г. Побѣдоносцева къ вопросу народнаго образованія: въ одномъ великокняжескомъ домѣ, послѣ обѣда,

отдали въ залогъ труды грядущихъ поколѣній и кто сумѣетъ предсказать, чѣмъ отзовется финансовый кризисъ на судьбахъ Россіи? За послѣдній заемъ въ 300 милл. марокъ въ берлинскіе банки пришлось заплатить 11 милліоновъ коммиссіонныхъ. Кто и когда расплатится за разныя „свободныя наличности“ г. Витте? Хорошо еще, если эти займы затрачивались производительно; но если 90 милліоновъ рублей, ассигнованныхъ по росписи на флотъ, поспѣшно отдаются китайцамъ, а тѣ, обморочивъ нашихъ дипломатовъ и запасшись деньгами, противъ насъ же открываютъ военныя дѣйствія, то чѣмъ же какъ не общимъ крахомъ, т. е. войной съ Европой и потерей нѣсколькихъ провинцій должно закончиться безконтрольное распоряженіе безконтрольно занятыми милліонами?...

Я, вѣдь, не обвиняю г. Витте за каждое изъ его предпріятій, о которыхъ судить не имѣю данныхъ; но всякій русскій согласится со мною, что та огромная власть, которою онъ располагаетъ, должна быть провѣрена и одобрена тѣми, на комъ отзывается дѣятельность министра финансовъ, который могъ, напримѣръ, ввести помимо Государственнаго Совѣта золотую валюту, купленную цѣною огромнаго напряженія финансовыхъ силъ страны и представляющую во всякомъ случаѣ рискованный опытъ. Вознаграждается ли эта реформа уничтоженіемъ биржевой игры на курсъ? Оправдывается-ли чрезмѣрное напряженіе податныхъ силъ поощреніемъ промышленности? Я удивляюсь, что наши министры финансовъ сами не идутъ навстрѣчу такому контрольному учрежденію, въ одобреніи котораго они почерпнули бы вящій авторитетъ, а русскіе граждане — увѣренность въ цѣлесообразности ихъ начинаній. Вѣдь, нашъ государственный контроль не тождественъ, по существу, контролю парламента, а если-бы и былъ тождественъ, то, вѣдь, контролеръ нашъ, какъ онъ ни хорошъ, есть лишь чиновникъ, а не представитель націи. А какая же возможна у насъ оцѣнка теперь, когда покритиковавшій г. Ціонъ былъ по докладу трехъ министровъ исключенъ изъ русскаго подданства. Меня увѣряли, будто покойный Э. Д.

разговоръ зашелъ о необходимости поднятія образовательнаго ценза сельскаго духовенства; *„это невозможно,“* — вмѣшался въ разговоръ К. П. Побѣдоносцевъ — *„если духовенство будетъ болѣе образованнымъ, то оно невольно потянетъ за собою народъ, а это создастъ потокъ, который понесетъ насъ къ обрыву! Россія и такъ ужъ подвигается къ обрыву!“* — И этотъ фанатикъ обскурантизма вотъ уже третье царствованіе держится во главѣ управленія, онъ загубилъ цѣлыя поколѣнія, онъ замучилъ и разорилъ тысячи людей, онъ успѣлъ создать школу государственныхъ людей болѣе тупыхъ и менѣе убѣжденныхъ чѣмъ онъ, онъ создалъ то мертвящее направленіе, которое насъ губитъ.... Вѣдь, это ужасно! Этотъ человѣкъ, — добрый и искренній въ частной жизни, — становится лютымъ и лживымъ, когда дѣло касается его государственной системы. Только исторія съумѣетъ измѣрить то зло, которое принесли Россіи въ XIX-мъ вѣкѣ эти три фанатика: гр. Дм. Толстой, Катковъ и К. П. Побѣдоносцевъ.

Нарышкинъ умолялъ Государя *„уволить Витте, который раззоряетъ Россію“*, но голосъ этого достойнаго старца не былъ услышанъ.

Съ неустройствомъ въ учебномъ вѣдомствѣ правительство думаетъ справиться реформами педагогическими (касательно воспитанія и преподаванія) и измѣненіемъ различныхъ программъ. Нѣтъ сомнѣнія, что почти всеобщій, схоластическій по пріемамъ преподаванія классицизмъ, введенный гр. Д. Толстымъ, давно отжилъ свое время, вся Россія ждетъ не дождется его отмѣны; равнымъ образомъ, древніе языки не должны быть необходимой ступенью ко всѣмъ факультетамъ; несомнѣнно и то, что университеты не могутъ отвѣчать своему просвѣтительному назначенію безъ извѣстной, давнымъ давно признанной за ними въ другихъ государствахъ, автономіи. Но я удивляюсь, что никто еще не доложилъ Государю, что **никакія учебныя реформы не успокоятъ молодежь до тѣхъ поръ, пока въ Имперіи не будетъ введенъ режимъ законности,** вмѣсто режима самодержавнаго, невольно обезпечивающаго министрамъ безконтрольное хозяйничанье въ Имперіи. Невозможно преподавать безнаказанно начала добра и законности при господствѣ произвола, — лучше совсѣмъ закрыть университеты. Требовать отъ молодежи, чтобы она „не волновалась“ при такомъ положеніи дѣлъ въ отечествѣ, да, вѣдь, это равносильно требованію, чтобы молодые люди отказались отъ лучшаго, чѣмъ ихъ наградила природа: безкорыстной любви къ правдѣ и къ родинѣ. А поэтому ни нагайки Клейгельса, ни разговоры ген. Ванновскаго со студентами, ни его начинанія положенія дѣла не могли измѣнить.[15]

---

[15] Избіеніе студентовъ на Казанской площади было самымъ типичнымъ изобрѣтеніемъ нашего правительства; демонстрація, какъ читатель легко убѣдится ниже, была допущена умышленно, подъ предлогомъ „переловить вожаковъ“; но если г. Сипягинъ былъ настолько наивенъ, чтобы предположить наличность вожаковъ въ такой неблагопріятной манифестаціи, то умный г. Витте, котораго считаютъ вдохновителемъ всей этой исторіи, конечно, зналъ напередъ, что она приведетъ только къ возмущенію общественнаго мнѣнія, которое обвинитъ Сипягина и верховную власть; можетъ быть г. Витте надѣялся еще, что вся эта тревога поведетъ къ его назначенію диктаторомъ, въ родѣ Лорисъ-Меликова?

А вотъ фактъ, подтверждающій наличность коварнаго и безчеловѣчнаго плана правительства: въ декабрѣ мѣсяцѣ одинъ мой хорошій пріятель возвращался изъ за-границы въ Петербургъ; на русской границѣ жандармскій офицеръ, бывшій его товарищъ по военному училищу, предупредилъ его, что въ мартѣ, въ такой-то день, на Казанской площади состоится побоище студентовъ; мой пріятель, имѣвшій связи въ наивысшемъ кругу, предупредилъ въ Петербургѣ кого могъ; но избіеніе все-таки состоялось въ предсказанный день. Когда мой пріятель спросилъ одного изъ высшихъ чиновъ полиціи, почему его сообщенія не были приняты во вниманіе, то получилъ въ отвѣтъ: „Да и мы это знали, но отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ былъ разосланъ секретный циркуляръ о допущеніи сходки съ цѣлью изловить вожаковъ“.

О томъ, какъ постыдно дѣйствовалъ Клейгельсъ, о томъ, какъ полиція

Въ иностранныхъ государствахъ университеты рѣдко когда волнуются, ибо общественное мнѣніе и оппозиція меньшинства находятъ себѣ выходъ въ печати, въ парламентѣ, на общественной трибунѣ. У насъ, на Руси, если что и пройдетъ случайно въ печати, то кому какая отъ этого польза, разъ-что правительство не считается съ общественнымъ мнѣніемъ? Какую непосредственную пользу можно ждать отъ газетныхъ статей въ защиту вѣротерпимости, когда правительство преспокойно вводитъ уголовный уставъ, въ которомъ принципъ сліянія вѣроисповѣданія съ народностью проводится еще опредѣленнѣе прежняго?[16] Очевидно, что оппозиція у насъ только и можетъ пробиться къ жизни чрезъ молодежь, готовую жертвовать собою, да черезъ рабочихъ, которымъ терять больше нечего. Если въ Россіи когда-либо настанетъ время, въ которое при данномъ бюрократическомъ режимѣ, молодежь перестанетъ волноваться — то это будетъ предвѣстникомъ полнаго упадка Россіи: ибо если не окажется больше великодушія въ молодомъ поколѣніи, то на кого, на что Россіи разсчитывать?

20-го ноября 1882 года, г. Побѣдоносцевъ предложилъ въ Совѣщаніи Министровъ отдачу особенно дерзкихъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній въ дисциплинарные батальоны для исправленія![17] Хотя комиссія подъ предсѣ-

---

вырывала изъ толпы по одному человѣку, даже женщинъ, и нещадно била свои жертвы — я не разсказываю; не излагаю также вполнѣ человѣчный поступокъ кн. Вяземскаго, заступившагося за несчастныхъ; все это хорошо извѣстно всякому, кто читаетъ другія свѣдѣнія, кромѣ оффиціальныхъ документовъ.

[16] Интересно будетъ прослѣдить, какъ наша бюрократія примѣнитъ на дѣлѣ Всемилостивѣйшій манифестъ 26 февраля; и что станется теперь съ терминомъ „лица польскаго происхожденія“? и будетъ ли губернаторамъ вмѣнено въ обязанность не преслѣдовать сектантовъ, а защищать ихъ отъ преслѣдованій духовенства и деревенской толпы? и какія секты будутъ признаны незаконными? Уг. Уставъ уже включилъ статью закона о томъ, что не *отступленіе* отъ православія, а только *совращеніе* съ него будетъ считаться преступленіемъ; это шагъ впередъ, которымъ Россія обязана Государю.

[17] См. „Извлеченія изъ книги А. И. Георгіевскаго: *Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ*“, стр. 24 и послѣдующія въ изданіи П. Струве (Dietz, Stuttgart 1902).

Эту мѣру предполагалась даже распространить на воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній! Наличность двухъ или трехъ фактовъ покушенія на убійство, конечно, не могла ее оправдать. Ежели же подъ „особенно дерзкими“ поступками подразумѣвались „оскорбленія начальства дѣйствіемъ“ — то подъ это понятіе инспекція могла подвести все что угодно. Весь вопросъ поставленъ былъ неправильно; школа можетъ наказать въ стѣнахъ заведенія или уволить. — Отдача же уволенныхъ студентовъ въ военную службу до 21 года — есть мѣра исключительная и, слѣдовательно, незаконная.

Проекты въ то время подавались самые разнообразные: А. Л. Апухтинъ составилъ въ 1878 г. проектъ *учебно-исправительнаго заведенія*, разработанный затѣмъ комиссіей, но который не имѣлъ послѣдствій гл. обр. *„по причинѣ совершенной перемѣны съ 6-го февраля 1880 г. во внутренней*

дательствомъ кн. М. С. Волконскаго (состоявшая изъ тайн. сов. Вишнякова, А. И. Георгіевскаго, г.-л. Н. И. Петрова и д. статск. сов. В. К. Плеве и засѣдавшая 27-го ноября, 1-го, 3-го, 7-го и 15-го декабря 1882 г.) нашла эту мысль непримѣнимою, къ ней вернулись на Совѣщаніяхъ Министровъ 18-го марта и 18-го іюня 1883 г.; а въ Комитетѣ Министровъ въ февралѣ 1884 г. за нее еще высказалось меньшинство: предсѣдатель гр. Рейтернъ и 5 членовъ (гр. Дм. Толстой, гг. Деляновъ, Набоковъ, Посьетъ и Островскій). Эти господа, надо предполагать, не знали, что̀ такое дисциплинарный батальонъ, иначе они догадались бы, что не только нельзя туда отдавать студентовъ, но что самые эти батальоны, позорящіе имя человѣческое, должны быть немедленно упразднены, какъ несоотвѣтствующіе цѣли исправленія солдата и низводящіе офицера до положенія палача. Всякій, кто прочтетъ книгу *„Жизнь и смерть Дрожжина“*, я убѣжденъ, согласится съ моимъ мнѣніемъ.[18]

правительственной политикѣ“ (стр. 15). — Циркуляромъ министра Нар. Просв. отъ 26-го октября 1879 г., говоритъ д. т. с. Георгіевскій, *„попечителямъ даны были неограниченныя полномочія для возстановленія духа порядка и дисциплины между студентами университетовъ“* (стр. 19). — Кіевскій ген.-губ. ген.-ад. Чертковъ предложилъ назначать въ должность инспектора студентовъ *„военныхъ лицъ, съ академическимъ образованіемъ, и въ военномъ мундирѣ“* (стр. 21). — Гр. Лорисъ-Меликовъ возбудилъ вопросъ объ образованіи изъ поднадзорныхъ *особыхъ военныхъ командъ въ отдаленныхъ мѣстахъ Имперіи* (стр. 25). — Ген.-ад. гр. Игнатьевъ 1 предложилъ *включить въ особыя дисциплинарныя команды сформированныя въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи также поднадзорныхъ и увольняемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній* (стр. 27).

[18] Дрожжинъ, за отказъ по религіозному убѣжденію, отъ воинской повинности, былъ отданъ въ прошлое царствованіе въ дисциплинарный батальонъ; хотя его, какъ непринадлежавшаго къ низшему сословію, не пороли, но суровыми арестами въ холодномъ карцерѣ загнали въ чахотку. По поводу этого В. Чертковъ подавалъ всеподданнѣйшую записку покойному Государю, но воспослѣдовавшее Высочайшее распоряженіе объ облегченіи участи Дрожжина, застало его уже умирающимъ въ Воронежской тюремной больницѣ. — При нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ дано было распоряженіе о ссылкѣ отказывающихся отъ военной службы въ Якутскую губернію, вмѣсто отдачи ихъ въ дисциплинарные батальоны. — Я знаю, что и въ другихъ государствахъ, особенно въ Австріи, жестокость обращенія въ дисциплинарныхъ батальонахъ и военныхъ тюрьмахъ доведена до ужасающихъ размѣровъ; въ Австріи только въ прошломъ году отмѣнена пытка подвѣшиванія виновнаго съ ружьемъ. Но то дурное, что происходитъ заграницей, намъ не указъ. Надо же откровенно сознаться, что дисциплинарный батальонъ не обратитъ дурного солдата въ хорошаго, а только его замучитъ; по сему цѣлесообразнѣе было бы отдавать такихъ солдатъ въ обыкновенныя тюрьмы; кромѣ того, условія военной дисциплины таковы, что нѣтъ достаточной гарантіи чтобъ въ дисциплинарные батальоны не попадали люди совершенно невинные; я самъ былъ въ моей юности свидѣтелемъ, какъ одинъ флотскій унтеръ-офицеръ, которому оставалось лишь нѣсколько недѣль до конца его службы, чуть не попалъ подъ судъ изъ-за придиравшагося къ нему и оскорблявшаго его офицера, почему-то его не взлюбившаго; только благодаря заступничеству капитанъ-лейтенанта С*** этотъ заслуженный матросъ не былъ загубленъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ правительство поняло, что либеральный университетскій уставъ 1863 года никоимъ образомъ не могъ держаться при ретроградной реформѣ въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія. Странно, что нынѣшнее правительство думаетъ возможнымъ вернуться къ принципамъ этого устава при политикѣ гг. Витте и Плеве. Мнѣ сдается, что Министерство Народнаго Просвѣщенія поставлено въ безвыходное положеніе.

Не измѣнилось, вѣдь, дѣло отъ отдачи студентовъ въ солдаты; не измѣнится оно ни отъ ихъ ссылки въ Сибирь, ни отъ ихъ милостиваго возвращенія изъ ссылки, отъ котораго они зачастую отказываются, убѣжденные въ правотѣ своихъ дѣйствій. . . .

Не измѣнитъ дѣла и ограниченіе числа учащихся, а только озлитъ общество еще сильнѣе. Правительство говоритъ, что желаетъ ограничить умственный пролетаріатъ, въ ряды котораго, за неимѣніемъ спроса на интеллигентный трудъ, поступаетъ университетская молодежь; но на самомъ дѣлѣ, правительству противно распространеніе образованія оттого, что образованіе есть рычагъ общественнаго сознанія націи, ея политическаго воспитанія, при которомъ безконтрольное правленіе немыслимо; я говорю *безконтрольное*, ибо Императоръ контролировать министровъ не можетъ, такъ какъ объ ихъ дѣятельности узнаетъ черезъ нихъ-же самихъ, черезъ ихъ доклады (доклады послѣ ревизій подаются въ одной редакціи министру, а Государю Императору подаются видоизмѣненными).[19] Въ цивилизованномъ государствѣ образованіе не должно быть ограничиваемо, это немыслимо, это шло бы въ разрѣзъ съ прогрессомъ государства. Ограниченіе высшаго образованія должно отозваться застоемъ низшаго: а у народа нельзя отымать ту духовную пищу, безъ которой онъ и на человѣка перестанетъ походить. Но наше правительство, не сознавая, видимо, что застой Россіи поведетъ къ ея паденію, заботится лишь о томъ, чтобы власть не ускользнула изъ его рукъ.

Недовольство правительствомъ естественно выражается въ противузаконной формѣ, въ какомъ же иначе видѣ ему выразиться при нашемъ режимѣ? и политическія убійства являются пароксизмами этого хронически-возбужденнаго состоянія общества. Надо, наконецъ, признать фактъ, что бывшіе наши террористы, хотя дѣйствовали преступно, были людьми

---

[19] Наконецъ, бываютъ случаи, когда правда скрывается прямо въ силу обстоятельствъ. Спрашиваютъ разъ у губернатора, имѣвшаго докладъ у Государя, сказалъ ли онъ про распространеніе въ его губерніи голода. „Нѣтъ, говоритъ онъ, какъ только разговоръ зашелъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, у Госуаря показались слезы на глазахъ и я не рѣшился продолжать докладъ объ этомъ вопросѣ.“

искренно любившими свою родину; нигилизмъ выросъ на національной почвѣ историческаго самосознанія; онъ явился естественной формой протеста противъ бюрократическаго направленія правительства, которое съ 64-го года противодѣйствуетъ правильному теченію народной жизни; въ любви къ родинѣ нельзя отказать и теперешней стрѣляющей молодежи.

Балмашевъ былъ казненъ; но если вспомнить, какое всеобщее недовольство вызывало правленіе покойнаго Сипягина, если прибавить, что студенты служатъ панихиду по Балмашевѣ, то слѣдовало бы заключить, что Россія благодарна послѣднему, не за то, что онъ *убилъ* бѣднаго Сипягина, а за то, что онъ *избавилъ* ее отъ Сипягина, о которомъ одинъ его сослуживецъ отзывался мнѣ какъ о человѣкѣ несомнѣнно честномъ, но недалекомъ, узкомъ, *крайне* лѣнивомъ и ставшимъ игрушкой въ рукахъ г. Витте (который подставилъ ему ногу самымъ безцеремоннымъ образомъ въ дѣлѣ ремонта зданія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ).

Какъ слышно, еврей, ранившій ген. ф.-Валя, тоже казненъ; генералъ же ф.-Валь получилъ повышеніе. Но, вѣдь, ген. ф.-Валь высѣкъ въ Вильнѣ ни въ чемъ неповинныхъ людей, т. е. совершилъ беззаконіе.

Всякій порядочный человѣкъ, не будь онъ лишь человѣкомъ-Божіимъ, отвѣтилъ-бы на подобное беззаконіе тѣмъ-же: выстрѣломъ въ начальство. Къ свѣдѣніямъ, которыя читатель можетъ найти по этому поводу въ статьѣ „Виленская экзекуція“ (*Освобожденіе*, № 2 1902 г.), я могу добавить, что главною причиною гнѣва ген. фонъ-Валя были ироническіе аплодисменты, которыми была награждена его рѣчь, обращенная къ „верхамъ“.[20]

Въ 1878 г. покойный ген. Треповъ, вопреки закону, высѣкъ въ домѣ предварительнаго заключенія Боголюбова, не снявшаго передъ нимъ шапки, послѣ того, какъ на угрозу розгой, Боголюбовъ ему отвѣтилъ: „Я дворянинъ, вы меня пороть не имѣете права“, затѣмъ судъ присяжныхъ оправдалъ стрѣлявшую потомъ въ градоначальника Вѣру Засуличъ. Очевидно, что присяжные не хотѣли оправдать преступленія, но подчеркнуть, что беззаконіе властей ставило подданныхъ въ безвыходное положеніе.

Если бы виленское дѣло было передано суду присяжныхъ, то стрѣлявшій въ генерала Валя отдѣлался бы тоже дешево. Правительство это сознаетъ и поэтому ему все приходится

---

[20] Припоминаю, что въ прошлое царствованіе одинъ губернаторъ высѣкъ еврея, умышленно толкнувшаго на улицѣ его малолѣтнюю дочь такъ, что она упала въ грязь и ушиблась; затѣмъ, когда къ нему явился адвокатъ этого еврея „за копіей съ дѣла“ — онъ направилъ адвоката къ полиціймейстеру, приказавъ послѣднему высѣчь и адвоката, что было тутъ же исполнено. Дѣло дошло до Государя, губернаторъ былъ вызванъ и ему было поставлено на видъ, что дѣйствія его незаконны.

обращаться къ охранному положенію, къ военному суду. (Въ свое время, послѣ дѣла Засуличъ, г. Кони и его подчиненные оставались четыре года безъ движенія по службѣ, но это средство, видимо, не оказалось достаточно убѣдительнымъ). Ген. ф.-Валь еще раньше высѣкъ деревню Гапоново въ угоду пріятелю купцу-помѣщику; жалоба-же крестьянъ на Высочайшее Имя осталась подъ сукномъ у двухъ сановниковъ.[21]

Въ Вильнѣ-же, нынѣшній тов. мин. внутр. дѣлъ, за нѣсколько недѣль до своего назначенія на этотъ постъ, огуломъ выпоролъ раекъ за то, что случившіеся тамъ лица не указали ему тѣхъ изъ нихъ, которыя бросали бумажки съ надписью „долой самодержавіе". Гдѣ же ген. ф.-Валь отыскалъ законъ, по которому подобное дѣяніе наказуется розгой, независимо отъ сословія, къ которому принадлежитъ провинившійся? Гдѣ-же законъ, позволяющій пороть кого угодно изъ людей ни въ чемъ не провинившихся?

Только безпристрастная сенаторская ревизія могла-бы разобрать это невообразимое дѣло какъ должно. Ежели подобной ревизіи не будетъ назначено, то съ увѣренностью можно будетъ предсказать, что всесословная административная порка станетъ въ Россіи, въ XX-мъ вѣкѣ, явленіемъ обычнаго права.

Въ обществѣ, читающемъ нашу иностранную печать, подобные факты извѣстны; и никакими средствами правительство уже не сумѣетъ поддержать авторитетъ подобныхъ государственныхъ дѣятелей, навсегда потерявшихъ довѣріе гражданъ.

Перехожу къ вопросамъ финляндскому и польскому.

Расправа правительства съ Финляндіей — одна изъ самыхъ крупныхъ политическихъ ошибокъ нашихъ дней.

Нельзя, конечно, допустить предположенія, что Императоръ Александръ I присоединилъ Финляндію и подтвердилъ ея конституцію съ цѣлью повредить интересамъ Имперіи; несомнѣнно, что за сто лѣтъ единенія могли возникнуть вопросы, вначалѣ непредвидѣнные и даже вовсе не существовавшіе; но если вопросы эти требовали разрѣшенія, т. е. уступки со стороны Финляндіи, то я убѣжденъ, что ихъ можно было достичь *законнымъ* порядкомъ, путемъ переговоровъ съ финляндскимъ Сенатомъ или Сеймомъ. Финляндцы съ довѣріемъ обратились къ Высочайшей власти; трогательно было читать о томъ, какъ они на лыжахъ всю ночь обѣгали деревни и веси, чтобъ во-время собрать подписи подъ адресъ своему Императору и Великому Князю.... Достойно сожалѣнія, что представители этого высококультурнаго народа были

---

[21] См. разсказъ князя Хилкова въ брошюрѣ Черткова: *„Похищеніе дѣтей Хилковыхъ"*, стр. 49—51.

отстранены; финляндцы ни разу не дали поводъ къ затрудненіямъ, до наложенія на нихъ грубой руки нашей бюрократіи.

Диктаторъ ген.-ад. Бобриковъ, вспыльчивый и невѣжливый въ обращеніи съ финляндцами, придумалъ назначать къ финляндскимъ губернаторамъ въ чиновники особыхъ порученій, молодыхъ офицеровъ, которымъ преподается роль шпіона по отношенію къ губернатору; очевидно, что порядочные люди отъ такой должности отказываются. Общественное мнѣніе въ Финляндіи возмущено тѣмъ, что между коробейниками встрѣчается такая масса шпіоновъ.

Повторяю, я не оспариваю того, что финляндцы, достигшіе подъ державою Россіи, и при помощи русскаго правительства, настоящаго своего благосостоянія, должны придти къ убѣжденію о нравственной ихъ обязанности принести посильную помощь интересамъ Имперіи, но я нахожу, что правительство наше сдѣлало все возможное, чтобъ вызвать ихъ сопротивленіе. Ежели переговоры съ Сеймомъ не дали-бы желанныхъ результатовъ, то правительство имѣло бы право прибѣгнуть къ различнымъ мѣрамъ законнаго воздѣйствія, которому финляндскій государственный строй давалъ такой широкій просторъ, но оно не должно было посягнуть на конституцію: этотъ актъ правительства противозаконенъ оттого, что конституція по существу своему неотъемлема.

Нельзя также забывать, кромѣ интересовъ справедливости и достоинства русской власти и политическую сторону вопроса: Шведскій король, союзникъ Германіи, въ состояніи двинуть сухимъ путемъ на Петербургъ четыреста тысячъ войска; какими чувствами встрѣтилъ-бы оскорбленный финляндскій народъ шведское войско — предоставляю судить всякому.[22]

Наши отношенія къ польскому населенію ухудшились до-нельзя; ненависть поляковъ ко всему русскому дошла до небывалой степени и это вполнѣ естественно: министерскіе циркуляры утвердили тамъ господство несправедливости и гнета, неслыханныхъ въ исторіи цивилизованныхъ госу-

---

[22] Тѣмъ же характеромъ несправедливости и неполитичности отличаются правительственныя мѣры къ тѣсненію протестантской вѣры въ Прибалтійскомъ краѣ. Правительству русскому слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующій фактъ: покойный гр. Hatzfeld (бывшій германскимъ посломъ въ Лондонѣ) говорилъ, что „Германія убѣждена въ томъ, что Прибалтійскій край станетъ достояніемъ Германіи, ввиду-де того, что онъ населенъ *нѣмцами*“ (?). Я знаю, что вожделѣнія пруссаковъ не найдутъ никакого отклика среди дворянства нашихъ прибалтійскихъ губерній, давшаго Россіи столько славныхъ дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ государственной службы, но зачѣмъ же, спрашивается, понадобилось нашему правительству оскорблять людей именно въ томъ, что имъ всего дороже? . . .

дарствъ (сюда относятся всѣ исключительныя мѣры о *„лицахъ польскаго происхожденія“* (!), т. е. о католикахъ, или состоящихъ въ бракѣ съ лицемъ католическаго вѣроисповѣданія), а генералъ-губернаторы, назначаемые въ Варшаву, — за исключеніемъ кн. Имеретинскаго — слишкомъ много сдѣлали, что-бъ уронить достоинство русскаго имени, въ ущербъ интересамъ Имперіи, — среди населенія болѣе культурнаго, чѣмъ наше коренное русское, среди общества, полнаго традицій и правилъ приличія.

Апухтинъ чуть-ли не на улицѣ схватывалъ людей, говорившихъ по-польски; одно время дошли до абсурда: преподавали полякамъ польскій языкъ по русски; — недоставало лишь русской розги для обученія дѣтей „русскому“ Отче-Нашъ, по примѣру пруссаковъ въ Врешенѣ.

Я видѣлъ фотографію католической часовни готическаго стиля, насильно обращенной съ концѣ 60-хъ годовъ въ православную (не смотря на то, что правительству предлагали рядомъ нѣсколько десятинъ земли подъ православный храмъ); надъ этой часовней водруженъ православный крестъ, а мадонну изъ нея перенесли на квартиру губернатора, въ его столовую, тамъ она находится и по днесь (имѣніе Сарія, г. Л***). Но и въ наши дни ген.-губернаторъ и г. Побѣдоносцевъ, насильно обращаютъ католическіе храмы въ православные, нанимая евреевъ (ибо православные не идутъ на такое дѣло) для срыванія крестовъ съ католическихъ церквей.

Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ огромная власть генералъ-губернатора могла-бы оградить законъ, она бездѣйствуетъ: большое имѣніе кн. Г*** было куплено у него синдикатомъ евреевъ на подставное имя жены бывшаго В-н-го, а нынѣ В-б-го губернатора.

Вотъ что по поводу современнаго положенія въ краѣ мнѣ пишутъ изъ Польши:

„Когда, въ 1859 г., императоръ Александръ II обратился къ лучшимъ силамъ страны для работы по освобожденію крестьянъ, когда великорусскіе помѣщики ожидали эту реформу съ недовѣріемъ и враждебно, — поляки сѣверныхъ и юго-западныхъ губерній поняли мысль монарха и проекты, ими представленные, легли въ основаніе обнароднаго поземельнаго закона.

Способные, привязанные къ почвѣ, земледѣльцы по призванію, поляки всегда умѣли извлечь выгоду изъ земли, которую они обработывали и тѣмъ содѣйствовали вплоть до 70-хъ годовъ процвѣтанію края.

Послѣ событій 1863 г. правительство приняло программу руссификаціи, рекомендованную Катковымъ и Муравьевымъ и указъ 10 декабря 1865 г., отмѣнившій права поляковъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ и въ сѣверо-западномъ краѣ, совершенно измѣнилъ экономическое положеніе этихъ губерній.

Эта система, подтвержденная еще указомъ въ декабрѣ 1877 г., дѣйствуетъ вотъ уже 37 лѣтъ: польскіе подданные, или лица польскаго происхожденія, въ 8 губерніяхъ, не могутъ располагать своею поземельною собственностью: располагать завѣщаніемъ, дарить, обмѣнивать. Имъ запрещено давать свои капиталы подъ залогъ земельнаго имущества; обще-

государственный законъ объ арендѣ не свыше 12 лѣтъ, ложится тяжелѣе на поляковъ, ввиду мѣстныхъ обычаевъ. Наконецъ, право покупки недвижимой собственности, хотя бы одной лишь десятины земли, внѣ городской черты, у нихъ отнято. — Дворянскій банкъ предоставляетъ русскимъ землевладѣльцамъ 4%, а нынѣ 5%, кредитъ; поляки-помѣщики (неимѣющіе доступа въ дворянскій банкъ, наравнѣ съ землевладѣльцами прибалтійскихъ губерній и Кавказа) должны обращаться къ мѣстнымъ земельнымъ банкамъ, которые ссужаютъ за 5¼%, а съ 1901 г., для новыхъ займовъ, за 6%.

Исключенный изъ всѣхъ общественныхъ должностей на мѣстѣ — судебнаго вѣдомства, администраціи, фиска, — полякъ не можетъ расчитывать ни на какое мѣсто, хотя бы на контору нотаріуса или даже на самое незначительное мѣсто по казенной продажѣ питей. Достигнувъ чина полковника, онъ получитъ полкъ внѣ названныхъ губерній. (Въ 1901 г., въ первый разъ, полякъ, полковникъ Тарновскій, получилъ полкъ въ Петроковской губерніи; это назначеніе было встрѣчено враждебно Кіевской печатью.) Подчиненный безграничной власти губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, онъ борется противъ злоупотребленія властью съ чиновниками на всѣхъ ступеняхъ іерархіи, въ интересѣ которыхъ выставлять польскій элементъ какъ постоянную опасность государству.

А русскій элементъ, который долженъ замѣстить польскій, что сдѣлалъ онъ для процвѣтанія края?

Прошло безъ малаго сорокъ лѣтъ, а русскіе еще не стали осѣдлымъ населеніемъ края; чиновники, плохо знающіе край, безъ всякой связи съ мѣстнымъ населеніемъ, перемѣнивъ нѣсколько мѣстъ, чиновники эти возвращаются въ Россію, разбогатѣвшими въ нѣсколько лѣтъ службы. Соблюдая свои интересы, и гораздо рѣже интересы управляемыхъ, они возбуждаютъ подозрѣніе, возстановляютъ противъ правительства и составляютъ дѣйствительное препятствіе къ согласію, желаемому поляками и необходимаго для государства.

Ставъ собственниками земли, они не пускаютъ въ ней корни, и законъ понапрасну предоставляетъ имъ всевозможныя льготы: 4% кредитъ, освобожденіе отъ гербовой пошлины, участіе въ мѣстной администраціи. Есть рѣдкія исключенія, великорусскіе помѣщики, которые вотъ уже 25 лѣтъ какъ удержались въ нашихъ краяхъ; ихъ помѣстья процвѣтаютъ, но они ихъ эксплуатируютъ управляющими-поляками и не хотятъ довѣрить своихъ интересовъ русскимъ управляющимъ, знанія которыхъ не соотвѣтствовали бы степени развитія сельскаго хозяйства.

Покупатели земли состоятъ главнымъ образомъ изъ особаго класса спекуляторовъ, прибывшихъ изъ большихъ городовъ: они набрасываются на этотъ край чтобъ его разворить, рубятъ лѣса, продаютъ строенія, уничтожаютъ плоды долгой работы, и чрезъ шесть мѣсяцевъ, чрезъ годъ, много чрезъ три года, перепродаютъ землю другимъ спекуляторамъ, или, зачастую, бросаютъ, заложивъ сверхъ стоймости.

И вотъ, слѣдовательно, причины того остраго кризиса, чрезъ который проходятъ губерніи, числящіяся между плодородными въ Имперіи. — Община, — это главное препятствіе къ развитію земледѣлія въ центральныхъ губерніяхъ, — здѣсь не существуетъ; эмиграція не производила своихъ опустошеній, край былъ достаточно богатъ, чтобы всѣхъ прокормить;[23] — единственный, настоящій корень зла, — это положеніе польскаго элемента, трудолюбиваго, земледѣльческаго и всецѣло привязаннаго къ землѣ, — который угнетенъ закономъ.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, обращаясь нынѣ къ представителямъ мѣстныхъ силъ, рѣшилъ ли онъ, что поляки 8 губерній сѣвернаго и югозападнаго края, не войдутъ въ ихъ число? Подумалъ ли онъ о нихъ,

---

[23] „The production of corn is continually becoming less and less sufficient for the support of the population, and extensive emigration accordingly takes place“ (изъ отчета англійскаго консула въ Варшавѣ).

призывая къ содѣйствію „всѣ творческія силы страны“? — Поляки составляютъ силу нравственную, равно и силу производительную, — они къ тому же вѣрноподданные монарха, признающаго за ними права гражданства.“

Слѣдовательно, единственное, о чемъ поляки въ данный моментъ просятъ — это о подведеніи ихъ подъ обще-государственное законодательство; желательно, чтобы правительство прислушивалось-бы къ ихъ голосу. Но этого дѣлать не принято и на ряду съ этимъ, полякамъ наносятъ всевозможныя оскорбленія; вотъ фактъ: приходитъ къ генералъ-адъютанту Черткову, въ бытность его Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, одинъ богатый полякъ помѣщикъ, бывшій его сослуживецъ по полку, и имѣвшій какія-то пререканія съ мѣстными властями; приходитъ онъ во фракѣ и говоритъ: *„Пришелъ представиться по начальству“;* генералъ-адъютантъ Чертковъ ему отвѣчаетъ: *„Ваше начальство — урядникъ“* и поворачиваетъ ему спину. Что же это за люди во главѣ администраціи?

Отсутствіе свободной печати затрудняетъ борьбу съ злоупотребленіями и въ провинціи и въ различныхъ вѣдомствахъ; даже военное вѣдомство, всецѣло основанное на дисциплинѣ, выиграло бы отъ упраздненія цензуры; достаточно прочесть брошюру Сонина о *„Бомбардированіи Благовѣщенска китайцами“*,[24] чтобы убѣдиться въ безобразіи, господствующемъ въ этой области среди высшаго начальства. Я знаю, что для нѣкоторыхъ моихъ соотечественниковъ все, что появляется о Россіи заграницей, не имѣетъ цѣны — это „подпольная и помойная литература“; въ моихъ же глазахъ правдивость разсказа вовсе не подрывается тѣмъ, что онъ печатается заграницей.[25] Тотъ, кому разсказъ объ ужасахъ, сотворенныхъ въ Благовѣщенскѣ, не достаточенъ, можетъ распросить лицъ, бывшихъ въ Китаѣ. Привожу съ своей стороны разсказъ всѣми уважаемой генеральши *** о ея разговорѣ въ Манчжуріи съ русскимъ солдатомъ объ убіеніи въ послѣднюю войну, по приказу высшаго начальства, встрѣчавшагося китайскаго населенія. „Стариковъ и женщинъ мы привыкли убивать, но дѣтей — было очень тяжело: они цѣплялись за наши колѣна, умоляя о пощадѣ! Мы отворачивались отъ нихъ и убивали ихъ прикладомъ.“ — „Да зачѣмъ же вы это дѣлали?“ — „Начальство приказало все населеніе убивать.“ Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что

---

[24] Изданіе „Зари“.

[25] Вотъ забавный фактъ: когда заграницей появились статьи Дж. Кеннана о каторгѣ и тюрьмахъ въ Сибири, нѣкто просилъ тогдашняго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, нельзя ли все это опровергнуть, ввиду вреда, который наносится Россіи. Министръ (ст.-секр. Дурново) только руками замахалъ: „Тш. . . *все* правда, *все* правда!“. . .

военныя власти дѣйствовали на театрѣ войны какъ разъ наоборотъ посланнымъ имъ военнымъ министромъ Высочайше одобреннымъ указаніямъ, гласившимъ: „Мирные жители, ихъ жилище и имущество не должны служить предметомъ дѣйствій нашихъ доблестныхъ войскъ“. — „Страшныя въ бою наши войска должны быть и въ Манчжуріи, какъ были до сихъ поръ на всѣхъ театрахъ войны и во всѣ вѣка, человѣчными не только къ мирному жителю, но и къ побѣжденному силою оружія врагу.“ — „Предписывая эти указанія, Государь Императоръ выражаетъ полную увѣренность, что молодецкія войска, вамъ ввѣренныя, не омрачатъ своей славы жестокимъ отношеніемъ къ мирнымъ жителямъ и напротивъ того, будутъ всемѣрно содѣйствовать возстановленію къ мирному населеію нормальныхъ мирныхъ отношеній.“

Подобныя дѣянія не могутъ быть устранены единоличнымъ вліяніемъ министра, но только воздѣйствіемъ среды, общественнымъ мнѣніемъ, свободной печатью и карою суровой и *гласной*.

Провинція приходитъ въ упадокъ оттого, что общественная (земская) дѣятельность, съ одной стороны, лишена свободной печати, а, съ другой стороны, тормозится бюрократіей. Графъ Валуевъ измѣнилъ первоначальный проектъ Милютина и Ланскаго, а гр. Д. Толстой почти уничтожилъ вовсе Положеніе гр. Валуева; то, что уцѣлѣло отъ земства, благодаря смерти гр. Толстого, будетъ окончательно искалѣчено нынѣшними министрами. Оставляю слово г. Витте (стр. 134 и 137):

Мѣрами репрессіи, несомнѣнно, подавлялись проявленія политической тенденціи земствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подавлялась всякая самодѣятельность въ земскомъ дѣлѣ.

Отчеты губернаторовъ, въ свою очередь, свидѣтельствуютъ *„объ отсутствіи* въ дѣятельности земства *живого отношенія къ дѣлу, о полномъ равнодушіи гласныхъ земскихъ собраній къ земскимъ дѣламъ“* и т. д. Заявленія губернаторовъ на этотъ счетъ были столь единодушны, что на отчетѣ Харьковскаго губернатора вызвали Высочайшую отмѣтку: *„Почти повсюду та же грустная и печальная картина земства“*. (Сводъ Высочайшихъ отмѣтокъ по всеподданнѣйшимъ отчетамъ за 1881—1890 гг. стр. 142).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что правительство ставитъ земству въ вину его несостоятельность, забывая, что оно само препятствуетъ его правильному развитію. Переходя отъ частнаго вопроса къ общему, мы замѣтимъ, что правительство считаетъ русскую націю недоросшей до конституціи, забывая, что оно само препятствуетъ правильному развитію общественныхъ силъ и образованію массъ. Но чего можно ожидать отъ бюрократіи, которая видитъ децентрализацію въ увеличеніи власти губернаторовъ и фактическомъ уничтоженіи земства, чтò силою вещей приведетъ къ созданію областныхъ диктаторовъ. Не считать ли намъ и эту программу за „примѣръ, завѣщанный намъ эпохою 1861 г.“?

Г. Плеве отлично, вѣдь, знаетъ, что онъ морочитъ общественное мнѣніе и конечно сознаетъ, что подобная реформа поведетъ къ фактическому ограниченію Самодержавія, но не въ пользу выборныхъ отъ націи, а въ пользу все тѣхъ же высшихъ чиновниковъ, о которыхъ Государю Императору благоугодно было выразиться въ частномъ разговорѣ: *„Въ Россіи можно все побѣдить, кромѣ чиновниковъ.“*

Сломить чиновничество возможно лишь, противупоставивъ ему элементъ болѣе сильный: жизненныя силы страны и общественное мнѣніе; но этотъ элементъ можетъ правильно развиться только при признаніи конституціоннаго принципа. Переходъ къ новому строю можно обезпечить совокупностью трехъ мѣръ: замѣною нынѣшнихъ министровъ и ихъ товарищей людьми молодыми, понимающими, что государство держится не бюрократіей, а частной и общественной самодѣятельностью; затѣмъ, обнародываніемъ указовъ о введеніи нѣкоторыхъ изъ реформъ, о которыхъ будетъ говорено ниже; и, наконецъ, созывомъ Земскаго Собора.[26]

---

[26] Мнѣ возразятъ, что послѣ Высочайшаго манифеста 26-го февраля 1903 г. всякій русскій долженъ выждать его результатовъ, прежде чѣмъ излагать свои желанія внѣ рамокъ данной программы, и что Государь Императоръ, только-что заявившій своимъ подданнымъ о необходимости сохранить Россіи самодержавіе, не можетъ итти противъ своихъ убѣжденій. Конечно, не литература по даннымъ вопросамъ могла бы повліять на измѣненіе его взглядовъ, но факты, но сама жизнь, но послѣдствія манифеста — могутъ.

Ежели подъ *„лицами, довѣріемъ общественнымъ облеченными“*, слѣдуетъ понимать *выборныхъ*, то пусть законъ такъ и скажетъ; пусть законъ скажетъ, что $^2/_3$ голосовъ будутъ достаточны для окончательнаго разрѣшенія вопросовъ мѣстнаго управленія. А если нѣтъ, то въ какую инстанцію будутъ восходить эти вопросы? Ежели восходящей инстанціей будетъ 1-й департаментъ Сената въ настоящемъ его составѣ, то прежде всего очевидно, что 8 сенаторовъ не въ состояніи будутъ разобраться со всей массой самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, и будутъ, силою вещей, замѣщены областными генералъ-губернаторами. Не проще-ли поэтому сразу перейти къ областному и общинному самоуправленію? Тогда подданные поймутъ, что программа, данная Государемъ, ограждается закономъ отъ посягательствъ на нее со стороны высшей администраціи, — посягательствъ, которыя начались съ того, что г. Побѣдоносцевъ, прочитавъ манифестъ, поѣхалъ къ Государю просить дозволенія не читать, чтобы не взволновать крестьянъ, его манифеста въ церквахъ, чѣмъ дѣйствіе манифеста было бы ослаблено съ самаго начала.

Ежели, напротивъ, *„лица, довѣріемъ общественнымъ облеченныя“*, не суть выборные съ рѣшающимъ голосомъ, то они превратятся въ извѣстныхъ намъ „свѣдущихъ людей“, и царская реформа обратится въ реформу г. Плеве; въ послѣднемъ случаѣ негодованіе будетъ всеобщее, смута увеличится. Но ежели мѣстное самоуправленіе будетъ, согласно манифесту, законно обосновано — то два или три года окажутся достаточнымъ временемъ, чтобы общественный элементъ заявилъ себя вполнѣ правоспособнымъ. И тогда Государь Императоръ рѣшитъ, слѣдуетъ или нѣтъ, въ интересахъ отечества, даровать своимъ подданнымъ конституцію.

Земскій Соборъ и Конституція.

Назвавъ причиною русской неурядицы безконтрольный бюрократическій строй, который душитъ самосознаніе русскаго народа, я естественно нахожу, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія должно быть дарованіе Россіи представительнаго правленія.

Существуетъ мнѣніе, что измѣненіе настоящаго неустройства возможно безъ перехода къ конституціонному режиму; я совершенно не вижу практической почвы для проведенія этого взгляда въ жизнь. Расширеніе самоуправленія безъ гласности и общественнаго контроля надъ министрами (условій, несовмѣстимыхъ съ самодержавнымъ строемъ), никогда не обезпечитъ странѣ свободнаго развитія общественной жизни. Безконтрольность на верху вызываетъ подражаніе снизу; законодатель не долженъ основываться на гипотезѣ, хотя и осуществимой, что должность будетъ непремѣнно замѣщена лицемъ порядочнымъ; наличность между земскими начальниками многихъ порядочныхъ людей вовсе не оправдываетъ вопіющей несправедливости этого учрежденія, помощью котораго одно сословіе отдано во власть другого.

Когда я говорю о безконтрольности нашего правительства, я не только подразумѣваю злоупотребленія, встрѣчающіяся при всякомъ управленіи, а тѣмъ болѣе неизбѣжныя при нашемъ, но возстаю противъ того, что русскіе подданные (т. е. общество и народъ) не имѣютъ голоса въ рѣшеніи насущныхъ государственныхъ вопросовъ, какъ установленіе формы правленія, распредѣленія налоговъ (т. е. иниціативы бюджета вообще, его утвержденія и контроля), въ выборѣ учебной программы и пр.

Русскій Императоръ, отстаивая самодержавіе передъ лицемъ цивилизованнаго міра, какъ-бы заявляетъ этимъ неспособность къ политическому самосознанію величайшаго славянскаго племени, изъ котораго пошелъ его же царскій родъ.

Если вырождающіяся народности, какъ греки и португальцы, или только нарождающіяся къ политической жизни, какъ сербы, болгары, румыны и буры способны управлять собой, неужели-же мы, русскіе, все еще обречены на прозябаніе внутренней государственной жизни?

Нѣкоторые сторонники самодержавія убѣждены, что оно намъ необходимо для вящаго величія предъ глазами Востока — „Бѣлый Царь надъ Царями Царь“; на это я отвѣчу, что азіятскіе подданные Англіи отзывались о покойной королевѣ Викторіи какъ о „Царицѣ надъ Царицами“, приводя въ умиленіе британскихъ шовинистовъ; и я вывожу изъ сего, что въ Азіи считаются съ могуществомъ сюзереннаго государства, а не съ внутреннимъ его государственнымъ устройствомъ. Или же взаправду намъ слѣдуетъ поставить своимъ государственнымъ идеаломъ времена Фараоновъ? Ибо *подвигаться* по извѣстному намѣченному пути исторія всегда должна, только по какому-же?...

Бо́льшая часть поборниковъ самодержавія утверждаютъ, что оно есть неотъемлемое, такъ сказать, достояніе нашего племени, они указываютъ на него какъ на принципъ правленія, исторически выработанный русскою народностью, ей необходимый и навсегда ей присущій; но они видимо забыли, что *всѣ* европейскія государства прошли черезъ тѣ-же историческіе періоды какъ и русское. Не было-ли апогеемъ самодержавія царствованіе Людовика XIV, которое въ корнѣ подорвало внутреннія силы и внѣшнее могущество Франціи, подведя ее подъ коалицію Европы? и какъ жестоко поплатился за ошибки вѣнценосныхъ дѣдовъ великодушный Людовикъ XVI; высокіе подвиги его истинно-христіанской души не спасли его отъ народной мести....

Тѣ изъ консерваторовъ, которые сознаютъ неизбѣжность перехода къ конституціонному режиму, поголовно заявляютъ, что Россія къ нему „не готова“. Я же думаю, что во всѣхъ государствахъ въ эпохи даже насильственнаго отвоевыванія конституціи, консерваторы оставались при своемъ особомъ мнѣніи, что страна ихъ не была еще „готова“. Вспомнимъ, что при введеніи крестьянской реформы консерваторы предсказывали Россіи всякія бѣды, начиная съ jacqueries; а освобожденіе крестьянъ было въ свое время реформой гораздо болѣе коренной, чѣмъ былъ-бы нынѣшній переходъ къ конституціонному строю, подготовленному уже земскимъ самоуправленіемъ, заключающимъ въ себѣ зародышъ конституціоннаго принципа. Несовмѣстимость развитія земскаго самоуправленія и даже городскаго съ самодержавнымъ строемъ сознавалась гр. Д. Толстымъ, но особенно ярко она была выставлена Ст.-Секр. Витте.[27]

Опасенія нашего правительства по поводу объединенія земствъ, есть лучшій отвѣтъ вышеупомянутому мнѣнію на-

[27] „Правильное и послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властному участію народа въ законодательствѣ и въ управленіи верховномъ.“ *Конфиденціальная записка Министра Финансовъ* (стр. 211).

шихъ консерваторовъ. Если допустить, что Россія „не готова“, то какъ же отнестись къ факту, что **только случай четыре раза уже помѣшалъ тремъ Императорамъ даровать Россіи конституцію.** Вотъ эти случаи:

1. Императоръ Александръ I непремѣнно далъ бы Россіи конституцію, какъ онъ даровалъ ее Польшѣ, еслибъ не оказался во второй половинѣ своего царствованія подъ исключительнымъ вліяніемъ Аракчеева; благодаря этому временщику славно начавшееся царствованіе помрачилось; когда гробъ Императора везли изъ Таганрога въ Петербургъ, правительство опасалось, чтобы чернь не разнесла его.

Декабрское дѣло было естественнымъ вѣнцомъ проявленія русской государственной жизнеспособности, выразившейся противузаконно за неимѣніемъ другого выхода. Наступило суровое время; непреклоненъ былъ самодержецъ, но и самъ первый слуга своего народа.... Тяжелое иго царствованія Императора Николая I подвело Россію подъ европейскую коалицію, послѣ которой его наслѣднику пришлось для возрожденія Россіи обратиться къ живымъ силамъ русскаго народа; и здѣсь, какъ и въ началѣ царствованія Императора Александра I, кругомъ трона сплотилось *молодое поколѣніе*. Но крѣпостники не бездѣйствовали: они все пустили въ ходъ, чтобы вернуть Императора Александра II на путь ретроградной политики: пожаръ Апраксина Двора, пожары въ приволжскихъ городахъ, польское возстаніе эксплуатировались съ этою цѣлью и привели, наконецъ, къ желанному результату, вызывая недовольство, ропотъ, агитацію, покушенія; правительство отвѣчало на это новыми репрессіями, и все усиливавшаяся борьба привела въ 70-хъ годахъ къ фактическому диктаторству въ столицѣ генерала Трепова. — Исторія повторяется: нынѣшняя высшая бюрократія, отстаивая свою власть, играетъ ту же роль у Престола, какую въ 60-хъ годахъ играла реакціонная партія.[28]

[28] См. *Записки Революціонера* П. А. Кропоткина. Лондонъ 1902. На стр. 153 авторъ говоритъ: „Катковъ, руководимый личной ненавистью къ Герцену, а въ особенности къ Бакунину, съ которымъ разъ долженъ былъ драться на дуэли, на другой же день послѣ пожара *(Апраксина Двора)* обвинилъ въ поджогѣ поляковъ и русскихъ революціонеровъ. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ этому обвиненію большинство повѣрило.“ — Далѣе, на стр. 155: „... когда вспыхнули пожары многихъ приволжскихъ городовъ, а въ особенности въ Саратовѣ, и когда туда былъ посланъ царемъ для слѣдствія сенаторъ Ждановъ, — онъ закончилъ разслѣдованіе съ твердымъ убѣжденіемъ, что саратовскій пожаръ былъ дѣломъ реакціонной партіи.“ — „Въ хорошо освѣдомленныхъ кругахъ говорили, что Ждановъ возвращался въ Петербургъ съ положительными доказательствами виновности саратовскихъ реакціонеровъ; но онъ внезапно умеръ въ дорогѣ, а портфель его исчезъ и никогда не былъ найденъ.“ — О томъ, что большинство дворянства встрѣтило реформу враждебно, можно найти данныя въ бумагахъ гр. Блудова и Н. А. Милютина. Наконецъ, я сошлюсь и на разсказы современниковъ: въ то время не только пожилые и просвѣщенные люди, какъ кн. Меньшиковъ, находили, что реформу слѣдуетъ отло-

2. Императоръ Александръ II въ 60-хъ годахъ думалъ завершить свои благія реформы конституціей; объ этомъ открыто говорилось за границей, но вопросъ былъ отложенъ, по всей вѣроятности, въ виду грозившихъ дипломатическихъ осложненій по поводу польскихъ волненій. Утверждаютъ также, что когда Императоръ совѣтовался по поводу этой реформы съ кн. Горчаковымъ, послѣдній ему возразилъ: „Sire, que feronsnous de la liste civile?“ и что этотъ отвѣтъ также повліялъ на Государя.

Этотъ отвѣтъ кн. Горчакова весьма страненъ: не полагалъ же онъ, что парламентъ, вызванный къ жизни по волѣ Императора, посягнулъ-бы на личное имущество Государей, Кабинетъ и Удѣлы;[29] а въ такомъ случаѣ новая liste civile явилась-бы значительнымъ увеличеніемъ государевыхъ доходовъ. Или кн. Горчаковъ хотѣлъ намекнуть, что эта liste civile была-бы слишкомъ мала въ сравненіи съ тѣми суммами, которыя самодержавные Императоры могли неограниченно черпать прямо изъ казны, пользуясь услужливыми министрами.[30] Но теперь такіе переборы едва-ли производятся.

3. 1 марта въ 11½ часа утра Императоръ Александръ II возвратилъ гр. Лорисъ-Меликову его проектъ о созваніи земцевъ, по 2 депутата отъ каждой губерніи, съ надписью: **„исполнить“**. (Этотъ проектъ былъ представленъ Государю для подписанія наканунѣ; Императоръ тогда сказалъ Лорисъ-Меликову: *„Оставь его у меня, завтра я его возвращу тебѣ“*.) Лорисъ-Меликовъ, какъ извѣстно, просилъ Государя не ѣздить въ этотъ день на разводъ, убѣждая его обождать показанія Желябова, уже взятаго; Государь обѣщалъ ему не ѣздить, но ему захотѣлось посмотрѣть на Вел. Кн. Дмитрія Константиновича, который долженъ былъ участвовать въ разводѣ

жить на сто лѣтъ, но даже многіе молодые люди смотрѣли на редакціонныя комиссіи чуть ли не какъ на революціонное учрежденіе. Нельзя, конечно, замалчивать факта, что изъ того же дворянства выходили сильные и свѣтлые люди, какъ Н. Милютинъ, почину котораго Россія обязана освобожденіемъ крестьянъ; воспитанный своей матерью, рожд. гр. Киселевой, въ отвращеніи къ крѣпостному праву, Милютинъ 16-и лѣтнимъ юношей далъ себѣ слово не умереть, не освободивъ крестьянъ; когда онъ, будучи неизвѣстнымъ мелкимъ чиновникомъ, сталъ добиваться, увѣренный въ успѣхѣ, свиданія съ Государемъ — всѣ стали ему мѣшать, всѣ смотрѣли на него какъ на человѣка взбалмашнаго; но онъ достигъ своего и отдалъ всѣ свои силы этому великому дѣлу.

[29] Конечно, придется отказаться отъ нынѣ допускаемаго обычая приписки къ Удѣламъ цѣлыхъ областей изъ земель, завоеванныхъ кровью русскихъ солдатъ.

[30] Переборы изъ казны, особенно къ концу царствованія императора Александра II, были дѣйствительно большіе и продолжались вплоть до воцаренія бережливаго императора Александра Александровича. Вспомнимъ самоубійство несчастнаго М***, взявшаго растрату на себя и не захотѣвшаго сказать, по чьему приказу и кому онъ выдалъ въ три пріема 12 милліоновъ рублей изъ суммъ, имѣвшихся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ на непредвиденные расходы.

на новой лошади, подаренной ему Императоромъ; онъ поѣхалъ и въ 2 часа былъ убитъ!

Самое ужасное въ этой трагической смерти — это то, что ея не случилось-бы, если-бъ въ Россіи, или хотя бы въ Петербургѣ, знали о готовившейся реформѣ. Графу Лорисъ-Меликову можно поставить въ упрекъ лишь то, что онъ пошелъ съ своей реформой по стезѣ всѣхъ русскихъ государственныхъ людей, пуще всего боящихся гласности и находящихъ посему, что всякая реформа должна выробатываться въ глубокой тайнѣ. Изъ-за этой-то рутины и погибъ Имп. Александръ II: никогда рука не поднялась бы на Царя, добровольно даровавшаго права политической свободы своему народу. Если-бъ обстоятельства позволили Лорисъ-Меликову оповѣстить столицу хотя-бы днемъ раньше — Императоръ Александръ II завершилъ бы свое царствованіе такъ-же славно, какъ началъ, благославляемый всѣми своими подданными. Прискорбно, что гр. Лорисъ-Меликовъ не передалъ въ Сенатъ имѣвшагося у него Высочайшаго повелѣнія. Восторгъ, которымъ было-бы встрѣчено новое направленіе во внутренней политикѣ, навѣрное утвердилъ-бы мнѣніе новаго Государя, колебавшагося въ самомъ началѣ своего царствованія въ выборѣ режима.

4. Извѣстно, что въ бытность свою Наслѣдникомъ, Императоръ Александръ Александровичъ работалъ съ гр. Лорисъ-Меликовымъ въ духѣ его реформы; разсказываютъ, что по своемъ воцареніи, на первомъ же засѣданіи Совѣта Министровъ, когда Государю доложили, что его отецъ подписалъ созывъ земцевъ, Имп. Александръ III сказалъ: *„Коли подписано, то исполнимъ“*, но что рѣшеніе этого вопроса, по желанію Императора, было отложено, и что затѣмъ Катковъ, Побѣдоносцевъ и гр. Строгановъ сильно повліяли на измѣненіе взгляда Государя.

Ст.-Секретарь Витте говоритъ въ своей конфиденціальной запискѣ (стр. 124) о днѣ 6 марта слѣдующее:

„6-го марта 1881 г. бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представилъ Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру III всеподданнѣйшій докладъ о приведеніи въ исполненіе одобренной покойнымъ Государемъ мѣры, т. е. объ образованіи при Государственномъ Совѣтѣ комиссіи, состоящей изъ выборныхъ представителей земствъ, городовъ и дворянства. Для обсужденія этого доклада Его Величеству благоугодно было на 8-е марта созвать особое совѣщаніе. Что происходило на этомъ совѣщаніи и къ чему оно пришло, достовѣрно неизвѣстно; полагаться же на слухи, проникшіе въ иностранную печать, было бы неосторожно.“ [31]

[31] Этотъ всеподданнѣйшій докладъ 6-го марта 1881 г. напечатанъ въ вышедшей въ 1893 году брошюрѣ Фонда Русской Вольной Прессы въ Лондонѣ: „Конституція графа Лорисъ-Меликова“; напечатанные въ ней документы представляются вполнѣ заслуживающими довѣрія. На стр. 41 авторъ говоритъ: „Предложеніе министра встрѣтило на первыхъ порахъ полное сочувствіе Государя, какъ и показываетъ сдѣланная имъ на проектѣ надпись: *онъ составленъ весьма хорошо.*“ И далѣе авторъ говоритъ:

На этомъ и обрывается разсказъ Министра Финансовъ о событіяхъ 1881 года. Совѣщаніе, о которомъ онъ говоритъ, состоялось не 8-го, а 7-го марта. Въ этотъ день, въ Совѣтѣ Министровъ, Императоръ Александръ III объявилъ, что предшественникъ его неохотно соглашался на предлагаемую ему мѣру и поэтому она подлежитъ еще разсмотрѣнію и, обратившись къ гр. Сергѣю Григ. Строганову, спросилъ его мнѣніе; гр. Строгановъ высказался противъ; тогда Государь обратился къ присутствующимъ въ Совѣтѣ; высказались *противъ:* Строгановъ, Побѣдоносцевъ, Ливенъ, Маковъ[32], Поссьетъ; высказались *за:* Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ, Валуевъ, Абаза, Д. Милютинъ, Набоковъ, Сабуровъ, Сольскій, Лорисъ-Меликовъ. Остальные: Адлербергъ, Барановъ, Урусовъ, Пещуровъ безмолвствовали. По окончаніи засѣданія, Государь вызвалъ Лорисъ-Меликова въ сосѣдній кабинетъ и поручилъ ему составить комиссію для окончательнаго разсмотрѣнія этого дѣла. *„Кто будетъ предсѣдательствовать?“* спросилъ онъ Лорисъ-Меликова; тотъ указалъ на присутствовавшаго тутъ-же Вел. Кн. Владиміра Александровича; вся надежда на конституцію была потеряна.

27-го Государь вручилъ Д. Н. Набокову составленный Побѣдоносцевымъ Манифестъ съ приказаніемъ его обнародывать; Набоковъ всю ночь провелъ за печатаніемъ Манифеста и 28-го принесъ его въ Засѣданіе Комитета Министровъ и прочиталъ присутствовавшимъ, послѣ чего Лорисъ-Меликовъ, Абаза, Милютинъ и Кахановъ оставили Засѣданіе Совѣта; затѣмъ Лорисъ-Меликовъ, Абаза и Милютинъ подали въ отставку; министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ гр. Игнатьевъ.

Приведенные факты достаточно указываютъ, насколько Россія была близка къ переходу къ конституціонному режиму. Я знаю, что планъ вызова земскихъ депутатовъ въ 1881 году не есть еще конституція; скажу болѣе, я знаю, что самъ Лорисъ-Меликовъ говаривалъ въ кругу знакомыхъ: „Если послѣ моей смерти будутъ говорить, что я работалъ надъ конституціей — не вѣрьте этому“; но извѣстно, что Императоръ Александръ II выразился о приготовлявшемся созывѣ земцевъ, какъ о созывѣ Etats-généraux;[33] а что вер-

---

„О томъ успокоеніи, какое вызвало въ Государѣ рѣшеніе утвердить проектъ, можно судить потому, что, какъ разсказывалъ потомъ Лорисъ-Меликову великій князь Владиміръ Александровичъ, проведшій въ обществѣ царя вторую половину дня, слѣдовавшую за засѣданіемъ, царь выражалъ свое настроеніе, говоря: *„съ плечъ точно гора свалилась“.*

[32] Маковъ при этомъ произнесъ рѣчь на тему: „Я присягалъ самодержавному Императору, а теперь оказывается, что его нѣтъ; въ Россіи нѣтъ больше закона“ и т. д.

[33] Вотъ еще фактъ: когда вел. кн. Константинъ Николаевичъ распрашивалъ княгиню Ю—ую въ 80-хъ гг., въ Парижѣ, о событіяхъ, къ которымъ она стояла такъ близко, княгиня ему сказала, что дана была конституція.

Я раздѣляю мнѣніе статсъ-секретаря Витте, который говоритъ: „Итакъ,

ховная власть, въ лицѣ его преемника, смотрѣла на готовившуюся мѣру, какъ на реформу, имѣвшей цѣлью ограниченіе самодержавія, т. е. признаніе конституціоннаго принципа, вполнѣ ясно и опредѣленно высказано въ слѣдующемъ письмѣ Императора Александра III къ Вел. Кн. Владиміру Александровичу:

27-го апрѣля.

„Посылаю тебѣ, любезный Владиміръ, мною одобренный проектъ манифеста, который я желаю чтобы вышелъ 29-го, день пріѣзда моего въ столицу. Я долго объ этомъ думалъ и министры все обѣщаютъ мнѣ своими дѣйствіями замѣнить манифестъ, но такъ какъ я не могу добиться никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій отъ нихъ, а между тѣмъ метаніе умовъ продолжается все болѣе и болѣе и многіе ждутъ чего-то необыкновеннаго, то я рѣшился обратиться къ Конст. Петр. Побѣдоносцеву составить мнѣ проектъ манифеста, въ которомъ бы высказано было ясно, какое направленіе дѣлами желаю дать и что никогда не допущу ограниченіе самодержавной власти, которую нахожу нужною и полезною Россіи. Кажется, манифестъ составленъ очень хорошо: онъ былъ вполнѣ одобренъ графомъ С. Г. Строгановымъ, который также нашелъ своевременность подобнаго акта. Сегодня я лично прочелъ проектъ манифеста А. В. Адлербергу, который также вполнѣ одобрилъ его, и такъ дай Богъ, въ добрый часъ! — Сегодня я имѣлъ объясненіе съ гр. Адлербергомъ, результатомъ котораго было, что онъ просится самъ оставить мѣсто министра. Несмотря на то, что онъ очень грустенъ, но все объясненіе и весь разговоръ былъ самый дружественный и разстались друзьями. Рѣшили такъ, что остается до выбора новаго министра и до окончанія имъ всѣхъ дѣлъ по завѣщанію Папа. При личномъ свиданіи съ тобой передамъ всѣ подробности и мои намѣренія, пришли мнѣ обратно проектъ.“ [34]

И вотъ, самодержавіе, отъ котораго три Императора думали отказаться (при чемъ Императоръ Александръ II въ 1881 г. даже вовсе отказался), снова возводится въ государственный догматъ; а предъ догматомъ, какъ извѣстно, все должно молчать; догматъ можетъ-де „развиваться“, но касаться его сущности нельзя; на сущности же этого догмата выросло наше государственное управленіе и касаться этого управленія стало невозможно, не затрагивая исходной точки. И ничего не можетъ быть грустнѣе и даже комичнѣе, какъ когда правительство время отъ времени справляется для виду съ мнѣніемъ „свѣдущихъ людей“ или земства, которымъ предлагается высказаться по насущнымъ вопросамъ, не касаясь ихъ сущности, какъ, наримѣръ, въ нынѣшнихъ сельско-хоз. комитетахъ! Подобныя совѣщанія, съ ревнивымъ обереганіемъ, съ обязательнымъ замалчиваніемъ опредѣленныхъ

можно почти съ полной увѣренностью сказать, что въ эпоху 1881 г. ни для кого не было тайной или истиной, требующей доказательствъ, что дальнѣйшее правильное развитіе земской реформы 1864 г. есть неизбѣжный путь къ конституціи. Но нельзя не отмѣтить, что даже въ ту пору, когда, повидимому, правительство уже готово было вступить на этотъ путь, графъ Лорисъ-Меликовъ какъ бы боялся прямо взглянуть на дѣло, боялся вполнѣ точно опредѣлить свою программу.“ (Стр. 116, Записка.)

[34] Письмо это, съ самыми незначительными варіантами, было уже напечатано въ брошюрѣ „Конституція графа Лорисъ-Меликова“.

пунктовъ, давно-бы слѣдовало бросить, они вызываютъ лишь бо́льшее недовольство. Ну, возможно-ли откупорить снизу полную бочку съ тѣмъ, чтобы содержимое не вылилось? Повозятся у бочки, да и бросятъ; такъ и бюрократы наши: повозятся съ общественнымъ элементомъ, да и бросятъ во́-время, не забывъ, конечно, покарать тѣхъ свѣдущихъ людей, которые оказались черезчуръ свѣдущи. Ибо идеалъ нынѣшняго управленія — это управлять среди гробоваго молчанія населенія.

Очевидно, что недовольство правительствомъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не явится законодательное учрежденіе, въ которомъ безпрепятственно отражалось бы государственное самосознаніе націи и посредствомъ котораго нація могла бы до извѣстной степени участвовать въ управленіи, контролируя дѣятельность правительства, т. е. правительственную программу и отчетъ въ исполненіи этой программы. Исторія народовъ давно указала, что единственнымъ такимъ установленіемъ является парламентъ, самъ подчиняющійся тому правовому порядку, которому присягаетъ и монархъ. Для осуществленія реформъ исполнительною властью нужно новое законодательство; но одного законодательства недостаточно самого по себѣ: исполненіе закона обезпечивается, кромѣ подразумѣваемаго согласія гражданъ, силой, т. е. войскомъ и полиціей, на которыя опирается правительство для возстановленія нарушеннаго закона. Установленіе, въ чьихъ рукахъ находится эта принудительная сила и является фактическимъ хозяиномъ государства.

Въ конституціонномъ государствѣ войско тоже находится во власти правительства, но парламентъ можетъ измѣнить законодательнымъ порядкомъ функціи правительства и онъ можетъ контролировать правительство.

Въ чьихъ-же рукахъ находится принудительная власть въ монархіи самодержавной? Въ рукахъ правительства, подчиненнаго Императору. Такимъ образомъ, если Монархъ окажется человѣкомъ сильной воли, самодержавіе обратится въ своеволіе монарха, сдерживаемое лишь его нравственными достоинствами, патріотизмомъ или страхомъ вывести подданныхъ изъ терпѣнія. Въ случаѣ же, если самодержецъ окажется человѣкомъ слабой воли, самодержавіе обратится въ олигархію чиновниковъ, ничѣмъ уже не сдерживаемую. Очевидно, что ни одно изъ названныхъ началъ, ни монархъ, ни бюрократія, не могутъ обезпечить закономъ извѣстнаго habeas corpus каждому гражданину, ни извѣстнаго правоваго порядка вообще, такъ какъ нарушеніе закона ими же самими становится и предполагается даже явленіемъ нормальнымъ.

Вся суть конституціи и состоитъ въ томъ, что принудительная сила переходитъ во власть законодательнаго учрежденія, которое на равнѣ съ монархомъ и правительствомъ

добровольно подчиняется правовымъ принципамъ, обезпечивающимъ государству свободное развитіе его духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Можно измѣнить термины какъ *парламентъ* и *конституція*; представительный образъ правленія можетъ принять форму, болѣе соотвѣтствующую русскому складу жизни; но суть реформы будетъ все-таки заключаться въ томъ, что **монархъ и правительство добровольно поступятся въ пользу выборныхъ изъ народа существенною частью своихъ прерогативъ: законодательной санкціей и контролемъ правительства**; и этому новому фактору національной государственной жизни, т. е. **парламенту предоставлено будетъ установить тотъ законный порядокъ, на поддержаніе котораго и будетъ употреблена принудительная сила**, которой располагаетъ государство.

Эти уступки и суть необходимыя гарантіи гражданской свободы.

Придача правительству болѣе широкаго совѣщательнаго выборнаго элемента недостаточна сама по себѣ; необходимы названныя гарантіи, т. е. **измѣненіе самаго принципа функціонированія власти**, иначе реформы останутся безъ примѣненія, министры безъ контроля, а законодательство будетъ по-прежнему видоизмѣняться испрашиваемыми отдѣльными министрами Высочайшими повелѣніями, съ совершеннымъ устраненіемъ общественнаго элемента; а посему я не вижу другого исхода, какъ дарованіе Россіи конституціи, не только съ цѣлью неизбѣжнаго ограниченія самодержавной власти Императора, но, главнымъ образомъ, по необходимости ограниченія своеволія министровъ и временщиковъ. Пора, наконецъ, вывести Россію на путь законности и оградить ее отъ возможнаго повторенія тѣхъ тяжелыхъ моментовъ, которые темными пятнами легли на свѣтломъ фонѣ ея прошлаго, оставивъ ему имена Глинскихъ, Малюты Скуратова, Меньшикова, Бирона, Платона Зубова, Аракчеева, Клейнмихеля, Побѣдоносцева.

И тотъ Императоръ, который воспользуется урокомъ исторіи и обезпечитъ Россіи мирный переходъ къ конституціонной монархіи, избавивъ ее отъ революціи, заявитъ себя истиннымъ, любящимъ отцомъ своего народа. Я говорю про *мирный* переходъ, но сколько сильныхъ и честныхъ людей погибло за освобожденіе Россіи — въ ссылкѣ, въ Шлиссельбургѣ, въ тюрьмахъ, на висѣлицѣ! Одинъ Сипягинъ сколько тысячъ сослалъ?... Подобное швыряніе людьми за Уралъ не можетъ не отозваться пониженіемъ умственнаго и нравственнаго уровня русскихъ гражданъ.

Но эта бойня прекратится лишь тогда, когда русскіе люди обрѣтутъ тѣ права человѣка, которыя нынѣшній законъ за ними не признаетъ.

Почему же бояться перехода къ конституціи? Привожу примѣръ изъ исторіи Пруссіи: послѣ событій 48 г. принцъ Вильгельмъ Прусскій долженъ былъ покинуть на время Германію, гдѣ народъ его возненавидѣлъ за его преданность абсолютизму. Но вскорѣ онъ сталъ регентомъ въ конституціонномъ прусскомъ королевствѣ, затѣмъ самъ сталъ конституціоннымъ монархомъ и умеръ обожаемый своими подданными, окруженный ореоломъ заслугъ, которыхъ у него не было.

Не слѣдуетъ опасаться чрезмѣрнаго умаленія роли правительства при конституціонномъ строѣ въ ущербъ интересамъ государства:

Во 1-хъ, власть конституціоннаго монарха тоже велика, а его вліяніе и того больше, стоитъ сослаться на царствованіе Императора Вильгельма II. Въ извѣстныхъ же случаяхъ, когда интересы отечества того непремѣнно требовали, даже его дѣдъ, Императоръ Вильгельмъ I, выходилъ за строгія рамки законности, и нація его оправдывала, какъ въ кредитахъ на австро-прусскую войну.

Во 2-хъ, исторія европейскихъ парламентовъ доказываетъ, что послѣ ихъ первоначальной, такъ сказать революціонно-законодательной, дѣятельности, выпадающей на долю народа каждые 3, 4 вѣка, парламенты становятся, главнымъ образомъ, политической школой для всѣхъ гражданъ вообще и превращаются постепенно, силою вещей, въ совѣщательныя собранія, утверждающія бюджетъ и предоставляющія министрамъ гласную трибуну, къ которой послѣдніе охотно прибѣгаютъ; и естественно, что первенствующая роль переходитъ въ этомъ фазисѣ опять къ правительству. Въ этихъ фактахъ я вижу не паденіе парламентаризма, а, наоборотъ, доказательство, что выборный строй достигъ своей цѣли, утвердивъ въ сознаніи гражданъ (подданныхъ и правительства) понятія законности.

Если со временемъ парламентъ окажется тормазомъ государственному развитію, то цивилизованные народы перейдутъ къ другому режиму, но, конечно, не къ абсолютизму; и этотъ новый фазисъ вовсе не явился бы отрицаніемъ огромной исторической заслуги, оказанной въ свое время государствамъ парламентомъ.

Намъ указываютъ на отрицательныя стороны французскаго парламентаризма, гдѣ палата стала ристалищемъ властолюбивыхъ политическихъ партій; но, во 1-хъ, всякій режимъ имѣетъ свои отрицательныя стороны; во 2-хъ, англичане, нѣмцы и другіе народы сѣвера, характеръ которыхъ ближе подходитъ къ нашему, достигли результатовъ несомнѣнно положительныхъ.

При представительномъ режимѣ немыслимы были бы, напримѣръ, изувѣрства, совершенныя надъ духоборами, немы-

слимы были бы истязанія сектантовъ и изнасилованіе ихъ женъ деревенскою толпою, по наущенію нашего темнаго духовенства;[35] невозможно было-бы бывшему главноначальствующему на Кавказѣ ген. Шереметьеву, со злости, выселить въ 1895 г. духоборовъ въ завѣдомо нездоровую мѣстность, негодную для заработка, гдѣ у взрослыхъ открывалась цынга, а у ихъ дѣтей болѣзнь, отъ которой лопались глаза; и невозможно было-бы его преемнику, князю Г. Голицыну, грубо оттолкнуть ходатайство несчастныхъ о разрѣшеніи имъ уходить на заработки. Все это было бы невозможно, такъ какъ объ этомъ заговорили-бы въ парламентѣ и въ свободной печати. Нынѣшнее же правительство до сихъ поръ преслѣдуетъ великодушныхъ людей, обнаружившихъ эти дѣянія: одни живутъ подъ надзоромъ, другимъ воспрещенъ въѣздъ въ Россію.

Чѣмъ же оправдывается непріязнь нашихъ консерваторовъ къ выборному режиму? Возможно ли, съ другой стороны, допустить мысль, что россійскій Императоръ изъ самолюбія и властолюбія не поступается своими прерогативами?

Самодержавіе могло-бы быть еще полезнымъ, еслибъ желаніе крестьянина въ рузскомъ уѣздномъ комитетѣ о томъ, чтобы всякое слово доходило до царя, было осуществимо. Но это въ обширномъ нашемъ отечествѣ немыслимо; отсюда и явились „средніе протоки“ Екатерины Великой: правительство и дворянство; въ послѣдующей стадіи явились правительство, дворянство и земство; а нынѣ — два шага назадъ: осталось одно лишь правительство! Виноватъ, послѣ *фактическаго* уничтоженія земства, по плану г. министра финансовъ, кромѣ правительства, окажутся еще „люди“ (sic!);[36] это тотъ *третій путь*, придуманный г. Витте, чтобы избѣжать вольный или невольный переходъ къ конституціи; но „участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, говоритъ онъ, должно быть построено не на томъ конституціонномъ принципѣ, который осуществленъ въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ“.[37] Но что́ можно ждать отъ подобныхъ совѣщаній, мы всѣ видѣли на дѣлѣ по поводу коми-

---

[35] Подробныя данныя, съ поименованіемъ пострадавшихъ, см. въ изданіяхъ *„Свободнаго Слова“* и въ *„Свободной Мысли“*, издававшейся въ Женевѣ подъ редакціей П. И. Бирюкова.

[36] „На указываемомъ мною принципѣ совмѣстной дѣятельности правительства съ людьми, я предлагалъ реформировать лишь то, что признается устарѣвшимъ и предназначено къ реформѣ, именно, нашу правительственную администрацію и управленіе хозяйственной частью въ губерніяхъ неземскихъ.“ (Конфиденціальная записка, стр. 210.)

[37] Ib., стр. 208. Но какъ же это согласовать съ тѣмъ, что г. Министръ Финансовъ говоритъ на стр. 210: „Ни упраздненія земскихъ учрежденій, ни какой-либо ломки существующаго порядка я не предлагалъ и не пред-

тетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности; не только правительство не хочетъ согласовать свои дѣйствія съ желаніями земства, но оно даже не хочетъ ихъ выслушать; лицамъ, призваннымъ Высочайшею волею къ участію въ сихъ занятіяхъ, запрещается говорить! Такъ что при данномъ бюрократическомъ строѣ не только верховная власть не можетъ расчитывать на участіе общества въ управленіи, но она поставлена правительствомъ въ невозможность узнать нужды своего народа. Окружающіе Государя Императора непремѣнно будутъ настаивать на сохраненіи самодержавія: ибо чѣмъ больше власти у Государя, тѣмъ больше и имъ перепадаетъ. Если такой извѣстный государственный человѣкъ, какъ покойный гр. Валуевъ, могъ злоупотребить, хотя вполнѣ безкорыстно, Высочайшимъ повелѣніемъ въ дѣлѣ Крыжановскаго, то чего-же ожидать въ этомъ отношеніи отъ той нравственной мелкоты, которая нынѣ пробралась къ кормилу правленія? Можно сказать безъ натяжки, что „сѣнь самодержавной власти“ нужна нашимъ сановникамъ и авгурамъ Комитета Министровъ прежде всего для защиты интересовъ своей бюрократической касты.[38]

Близорукость нашего правительства пагубно отзовется на участи Россіи. Это правительство само на себѣ затягиваетъ петлю, это несомнѣнно, но не въ этомъ бѣда, а въ томъ, что революціонное броженіе, ослабляя престижъ власти вообще, и ослабляя страну, ставитъ Россію въ опасное положеніе предъ великими державами. (Франція до сихъ поръ еще не оправилась отъ потрясеній 1789 г.).

лагаю“. Т. е. г. Витте повторяетъ именно то, что онъ самъ ставитъ въ упрекъ гр. Д. Толстому: онъ оставляетъ земство, но лишаетъ его всякой силы; — онъ только не принимаетъ во вниманіе, что съ тѣхъ поръ прошло 20 съ лишнимъ лѣтъ и что общественное мнѣніе въ Россіи настолько окрѣпло, что не позволитъ себя морочить.

[38] Такъ, Министръ Юстиціи статсъ-секретарь Муравьевъ показывалъ письмо, которое ему написалъ послѣ „Ходынки“ Государь Императоръ; въ письмѣ этомъ Государь выражалъ искреннее желаніе заявить народу свое участіе и разобрать это дѣло какъ слѣдуетъ, и говорилъ, что члены его семьи ему въ этомъ мѣшаютъ. — Дѣло это, однако, приняло оборотъ, изъ котораго общественное мнѣніе заключило, что оно замято по желанію свыше.

Русская публика до сихъ поръ осталась въ невѣдѣніи того, что извѣстная рѣчь Государя Императора къ представителямъ Тверскаго земства о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“, такъ тяжело отозвавшаяся въ сердцахъ его подданныхъ, была результатомъ воздѣйствія статсъ-секретаря Дурново, разстроившаго Государя передъ этимъ своими доводами: „Поддержите насъ, отдѣлайте ихъ хорошенько“. Какъ нашъ Государь сокрушался потомъ о сорвавшихся у него выраженіяхъ, мнѣ доподлинно извѣстно. Всякій русскій, прочтя объ этихъ фактахъ, оцѣнитъ доброту сердца Государя и пойметъ, какимъ тяжелымъ бременемъ ложится самодержавная власть на россійскихъ Императоровъ. — Но что же сказать о г. Дурново, который такъ и остался за кулисами, несмотря на то, что печать разнесла вѣсть объ этой государевой рѣчи во всѣ концы свѣта?

Но не одно лишь правительство потеряло довѣріе націи; ставъ между престоломъ и народомъ, высшая бюрократія невольно содѣйствовала отчужденію дома Романовыхъ отъ націи. Высшіе классы отзываются теперь о царской фамиліи далеко не съ тѣмъ уваженіемъ, какъ прежде, сожалѣя, что со смертью Императора Александра Александровича вліяніе членовъ императорскаго дома все чаще сказывается на дѣлахъ администраціи;[39] въ среднихъ классахъ, отстраненныхъ вовсе отъ власти, непріязнь къ царскому дому еще замѣтнѣе, нѣтъ сплетни, которая не была бы принята на вѣру. Окружающіе Государя знаютъ, какъ близка ему участь нашего народа, но что же должны думать остальные, выносящіе на себѣ иго нашего правительства? Въ народѣ, правда, осталась еще вѣра — необходимое утѣшеніе его горькой доли — въ царя-батюшку, источникъ милосердія и правосудія; но и здѣсь обаяніе верховной власти проходитъ съ образованіемъ, и я боюсь, что оно пройдетъ совсѣмъ, послѣ того втораго Севастополя, подъ который подведетъ насъ теперешнее правительство.

Кто же выручитъ Россію? Кто поможетъ русскому народу? Эту помощь мы можемъ ждать только съ высоты престола. Домъ Романовыхъ не долженъ избѣгать сближенія съ народомъ; не долженъ отвращаться отъ нуждъ народныхъ; вѣдь, онъ не силою оружія занялъ всероссійскій престолъ; нѣтъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ избранъ всей землей — сословіями и „великимъ народнымъ множествомъ“; и къ этой землѣ русской обращался юный царь въ трудную годину, созывая Земскіе Соборы и призывая къ единенію всѣхъ своихъ подданныхъ, раздѣлившихся при Грозномъ на Опричнину и Земщину. И нынѣ, когда нація разбилась на угнетающихъ и угнетенныхъ, — на тѣхъ, кто властвуетъ и пользуется властью и на тѣхъ, кто терпитъ и кого бьютъ — должно вспомнить историческое прошлое Россіи, какъ вспомнила о немъ и Екатерина Великая по вступленіи на престолъ.

Да поможетъ Господь нашему Императору стать на этотъ путь, который дастъ свободно вздохнуть всему русскому народу и укрѣпитъ положеніе дома Романовыхъ. Пускай Земскій Соборъ соберется въ столицѣ, пусть *выборные* со всей

---

[39] Эта критика относится, конечно, не ко всѣмъ членамъ императорскаго дома; я могъ бы назвать одного полезнаго между ними общественнаго дѣятеля, который, напримѣръ, докладывалъ Государю, послѣ личныхъ наблюденій, о вредѣ, приносимымъ винной монополіей (къ сожалѣнію, С. Ю. Витте удалось въ этомъ разубѣдить Государя). — Равнымъ образомъ, общественное мнѣніе исключаетъ изъ этого числа самаго маститаго и старѣйшаго представителя царской фамиліи, который настолько придерживается строго законной почвы, что его опытъ и знаніе дѣйствительности не всегда доходятъ до престола. — А молодая великая княгиня О. А. заслужила всеобщую признательность тѣмъ, что храбро заступается за всякое правое дѣло.

земли (а не по назначенію правительства) открыто скажутъ о своихъ желаніяхъ. Можетъ, конечно, статься, что Земскій Соборъ выскажется за сохраненіе Россіи самодержавной власти, но, навѣрное, онъ укажетъ на тѣ реформы, какія ей необходимы: уравненіе предъ закономъ всѣхъ сословій, отмѣна тѣлеснаго наказанія, упраздненіе дисциплинарныхъ батальоновъ и монастырскихъ тюремъ, отмѣна административной ссылки, возвращеніе земству отобранныхъ функцій и возможность его объединенія, почти полная свобода печати, полная (дѣйствительная) свобода совѣсти, назначеніе строгаго финансоваго контроля и участіе гражданъ въ установленіи бюджета, измѣненіе законодательства о положеніи рабочихъ, о евреяхъ, о винной монополіи и т. д., а главное — учрежденіе верховной комиссіи, съ выборнымъ элементомъ, предъ которой министры оказались бы отвѣтственны. Въ управленіи губерніями конституціонный принципъ могъ бы сказаться въ законномъ участіи выборнаго элемента, съ тѣмъ, чтобы его совѣщательный голосъ имѣлъ обязательную силу, при голосованіи, съ голосомъ чиновниковъ.

Я не хочу навязывать читателю мой личный взглядъ о желательности перехода къ парламентаризму, но, въ виду принятаго у насъ способа возраженія, что русскій парламентъ заключалъ-бы въ себѣ 3000 депутатовъ, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Въ Россіи вовсе не нужно, чтобы каждое мѣстечко имѣло своего представителя, а нужно, чтобы появилось выборное совѣщательное учрежденіе, въ которомъ право свободно излагать свое мнѣніе было бы не только допустимо, но и обязательно; а для этого даже триста депутатовъ было бы достаточно; на первое время въ этомъ парламентѣ приняли бы участіе губерніи европейской Россіи (съ Прибалтійскими и Польскими губерніями), кромѣ Кавказа; послѣдній, Сибирь и Азіятскія владѣнія могутъ управляться генералъ-губернаторами и имѣть въ Министерствѣ своихъ статсъ-секретарей, которые были бы отвѣтственны предъ парламентомъ. Какъ обезпечить за парламентомъ, и въ какой мѣрѣ, участіе въ законодательствѣ, контролѣ и управленіи — дѣло будущаго.

Верхняя палата могла бы заключать членовъ Государственнаго Совѣта, сенаторовъ, членовъ по назначенію, по выбору; а палата выборныхъ пополнялась-бы депутатами отъ всѣхъ сословій, сообразно населенію опредѣленнаго района, да по одному на опредѣленное число жителей-избирателей въ большихъ городахъ. Уравненіе сословій не сравняетъ еще среды, и будущее покажетъ, какимъ способомъ возможно будетъ обезпечить представительство за различными слоями населенія. Очевидно, что campagne électorale на французскій ладъ съ криками „aux urnes!“ по деревнямъ, у насъ не требуется; но выборные отъ волостей могли бы выбирать по одному крестьянину (или дворянину, помѣщику, разночинцу — это все равно) на каждый уѣздъ, а съѣздъ уѣздныхъ выборныхъ изъ себя уже назначалъ бы по одному или по два „крестьянскихъ депутатовъ“ на районъ . . .

Несомнѣнно также, что въ этихъ палатахъ нашли бы поприще для своей дѣятельности тѣ хорошія силы чиновничества, которымъ не даютъ ходу въ бюрократіи.

Здѣсь же я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на затронутый мною въ предъидущей главѣ *„польскій вопросъ“: наилучшимъ его разрѣшеніемъ ко благу Имперіи я считаю установленіе единаго общаго парламента въ С.-Петербургѣ, съ депутатами и отъ польскихъ губерній; польское населеніе должно быть вполнѣ уравнено въ политическихъ правахъ съ кореннымъ русскимъ, а ненавистное ему генералъ-губернаторство упразднено,* но съ оставленіемъ въ Варшавѣ командующаго войсками, расположенными на западной границѣ. Само собою, учрежденіе парламента въ С.-Петербургѣ вызоветъ на мѣстѣ образованіе одного или нѣсколькихъ законо-совѣщательныхъ выборныхъ учрежденій, съ относительными законодательными функціями для завѣдыванія мѣстными дѣлами.

Я стою за общій парламентъ оттого, что отдѣльный парламентъ въ Варшавѣ, хотя болѣе полякамъ пріятный, представилъ бы неудобства: 1. вызвалъ бы необходимость въ намѣстникѣ, что опять повело бы къ пререканіямъ; 2. вызвалъ бы преждевременное тяготѣніе къ Варшавѣ австрійскихъ и прусскихъ поляковъ и тѣмъ вовлекъ бы Россію въ дипломатическія затрудненія; 3. отдѣльный парламентъ содѣйствовалъ бы отчужденію польскаго и русскаго элементовъ во вредъ каждому изъ нихъ и интересамъ Имперіи. Общій же парламентъ вызывалъ бы, напротивъ, обмѣнъ мыслей и постепенное соединеніе русскихъ и польскихъ интересовъ. И я увѣренъ, что поляки скоро сошлись бы съ русскимъ большинствомъ въ палатѣ; терпимое отношеніе къ нимъ заставило бы ихъ забыть иго русской бюрократіи; а намъ, русскимъ, не надо забывать, что 1863-ій годъ былъ вызванъ безобразными рекрутскими наборами.

Я думаю, что Государю Императору для созыва Земскаго Собора пришлось бы стать въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Августѣйшихъ Членовъ Царской Фамиліи и лицъ Его окружающихъ; но вѣдь Императорская власть такъ сильна, что проведеніе этой реформы возможно безъ излишнихъ, тяжелыхъ преній: краткій Манифестъ, предупреждающій подданныхъ о томъ, что Сенатъ вскорѣ обнародуетъ постановленіе о созывѣ Земскаго Собора сразу поставилъ бы вопросъ ребромъ и министры наши (кромѣ развѣ оппортуниста г. Витте), сами поспѣшили бы сойти со сцены....

Неужели же Верховная Власть не рѣшится довѣриться Русской Землѣ, о которой несчастный Рылѣевъ въ началѣ еще прошлаго столѣтія пѣлъ:

Я видѣлъ рабскую Россію
Передъ святыней алтаря:
Гремя цѣпьми, склонивши выю,
Она молилась за Царя.

Неужели Государь не довѣрится своему народу, который все еще ему вѣритъ и который въ отвѣтъ на созывъ Земскаго Собора вышлетъ на горячій трудъ молодое свое поколѣніе; да, много найдется честныхъ и талантливыхъ людей, готовыхъ положить послѣднія силы на служеніе Царю, такъ какъ Престолъ и Отечество снова станутъ для русскихъ людей тождественными понятіями.

Въ противномъ же случаѣ, всѣ молодыя, независимыя силы открыто перейдутъ на сторону оппозиціи, и нашей бездушной бюрократіи останется лишь опираться на диктаторовъ, сатраповъ и жандармовъ, въ надеждѣ нагайкой и розгой обратить величайшій изъ славянскихъ народовъ въ покорное племя холоповъ!

И въ такомъ то видѣ Россіи предстоитъ отстаивать свое международное положеніе! Языческая Японія и та ее обогнала, и та ей стала грозить....

Да, конституція или революція со всѣми ея бѣдами, — вотъ то перепутье, на которомъ нынѣ стала самодержавня Россія. Конечно, правительство, опираясь на многомилліонное войско, можетъ удержать настоящій режимъ еще на цѣлое столѣтіе, — до *Французской* революціи намъ далеко, — но лишь при условіи усиленнаго препятствія къ образованію и уничтоженія послѣднихъ проявленій независимой общественной дѣятельности. Но что это будетъ за Россія и сохранитъ ли она свои границы?

И поэтому-то, всѣ кто видятъ корень зла въ нашей бюрократіи, прикрывающейся самодержавной властью, всѣ, кто еще дышатъ любовью къ родинѣ и не потеряли вѣры въ будущее Россіи, поставили своимъ лозунгомъ *„Долой Самодержавіе“*, — это рѣзко, но честно, и, по существу, не содержитъ въ себѣ ничего враждебнаго противъ особы Его Величества. Отъ благоусмотрѣнія Государя Императора будетъ зависѣть, чтобы принципъ твердой законности засіялъ подъ сѣнію императорскаго стяга, или что-бъ онъ медленно пробивалъ себѣ дорогу за краснымъ знаменемъ, черезъ трупы несчастныхъ поборниковъ свободы и черезъ трупы несчастныхъ служителей самодержавія. И все это оттого, что за нашимъ народомъ отрицается способность къ самоуправленію!

Неужели нашъ великій народъ, давшій Петра — это воплощеніе вѣнчанной революціи; народъ, создавшій нашъ языкъ и нашу пѣснь; народъ, давшій міру психологію преступленія и наказанія; народъ, который весь — отъ современнаго своего генія до забитаго сектанта ищетъ путь къ истинѣ, и въ чудныхъ напѣвахъ Церкви взываетъ къ Богу Всемогущему! — неужели же этотъ народъ не способенъ управляться иначе, какъ подъ гнетомъ цѣлой орды чиновниковъ!....

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать, что собственно дало мнѣ смѣлость высказаться по даннымъ вопросамъ: съ радостью и отрадою узнали мы, русскіе, что *„Государь хочетъ знать всю правду“*; но правду о чемъ? о положеніи дѣлъ въ нашемъ отечествѣ? Эта правда давно извѣстна нашей бюрократіи, которая завалена ворохомъ свѣдѣній со

всѣхъ концовъ Россіи, и данныя эти никому больше н
нужны, онѣ пропадаютъ даромъ, ибо что-бъ обратить ихъ в
пользу родины слѣдуетъ пустить ихъ въ обращеніе, т. е. о
дать ихъ въ распоряженіе свободныхъ общественныхъ сил
страны, а это, при господствѣ бюрократическаго самодерж
вія, невозможно, такъ какъ это подточило бы его и разр
шило. И *эта* правда, которая рвется къ высотѣ престол
вотъ уже 25 лѣтъ, чрезъ искреннія петиціи нашего смята
земства, проникаетъ къ нему лишь въ незаконномъ, нежел
тельномъ видѣ. Да, *правда*, которую надлежитъ знать Гос
дарю Императору, заключается, по моему, именно въ этом
и только въ этомъ; но *этой* правды Его Величеству не ск
жетъ никто, изъ лицъ Его окружающихъ.

